

ГОНКОНГ

ИСТОРИЯ, КОТОРОЙ
НЕ БЫЛО

РОДЖЕР

18+

Роджер

**Гонконг. История,
которой не было**

«Автор»

2026

Роджер

Гонконг. История, которой не было / Роджер — «Автор», 2026

Гонконг — город, в котором деньги не знают границ, прошлое легко меняет владельцев, а за ослепительными огнями небоскрёбов скрываются чужие тайны. После событий в Лондоне и Дубае писатель Дэниел отправляется в Азию, надеясь оставить позади череду предательств, опасных знакомств и смертей. Но прошлое не исчезает вместе со штампом в паспорте. В мире больших денег, криптовалют, роскошных отелей и сомнительных сделок ему вновь предстоит разобраться, кто говорит правду, кто ведёт собственную игру и какую цену придётся заплатить за доверие. Здесь случайные встречи редко бывают случайными, любовь может оказаться искусной манипуляцией, а самая опасная ложь — той, в которую хочется верить. «Гонконг. История, которой не было» — психологический триллер о деньгах, предательстве, человеческих слабостях и попытке начать жизнь заново в городе, где у каждого есть своя тайна.

© Роджер, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	30
Глава 6	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Роджер Гонконг. История, которой не было

Глава 1

Тайфун усилился раньше, чем они успели долететь до Гонконга. Ещё час назад на экране перед Дэниелом самолёт неторопливо приближался к тонкой линии китайского побережья, за которой начиналась новая, совершенно незнакомая ему жизнь. Теперь белый силуэт отвернул на запад, и линия оставшегося пути, такая убедительная в своей компьютерной точности, перестала заканчиваться там, где он ожидал. За иллюминатором не было видно ничего, кроме мутной серой массы; изредка в ней проступала часть крыла, влажная, почти чёрная, и снова исчезала, словно самолёт летел внутри воды, ещё не успевшей стать дождём.

Голос командира рейса Cathay Pacific появился после негромкого сигнала. Он говорил по-английски, ровно и обстоятельно, сообщая, что погодные условия в районе Гонконга ухудшились, посадка в настоящее время невозможна и принято решение следовать на запасной аэродром. Название прозвучало отчётливо: Хайкоу. Командир повторил, что посадка там ожидается в допустимых условиях, попросил оставаться на местах и поблагодарил за понимание. В этой вежливости было что-то окончательное, не оставляющее пространства для переговоров, и Дэниел несколько секунд смотрел на экран, словно за дополнительные деньги всё ещё можно было вернуть самолёт на прежний маршрут.

Гонконг уже существовал в его голове. Высокий этаж, чужая гавань под окном, комната, в которой ни одна вещь не заставит остановиться посреди движения. Он даже представлял, как утром спустится за кофе и некоторое время будет стоять среди незнакомых людей, не имеющих к нему никаких вопросов. Хайкоу не существовал вовсе. Название напоминало о необходимости снова что-то выяснять, показывать документы, ждать машину, объяснять, куда ему нужно, хотя единственное, что он сейчас знал с уверенностью, — куда возвращаться нельзя.

Бортпроводницы закончили проверять салон и заняли свои места. Дэниел убрал книгу, подтянул ремень и снова посмотрел на экран с изменившимся маршрутом. Из всего полёта ему запомнилась одна женщина, обслуживавшая их часть салона: красивая, с тёмными волосами и спокойными, точными движениями. Она слегка наклоняла голову, выслушивая просьбу, улыбалась и выполняла её без суеты. Таких людей замечаешь скорее по тому, насколько незаметно рядом с ними проходит время.

В начале полёта она принесла шампанское, показала этикетку и, получив его короткий кивок, наполнила бокал. Позже ещё несколько раз предлагала долить, меняла воду, убирала посуду. Дэниел отвечал так же кратко, как остальные пассажиры. Он почти всё время смотрел в иллюминатор или держал перед собой раскрытую книгу, несколько раз засыпал, не успев дочитать страницу. Её вежливость оставалась частью этого ровного, устроенного кем-то другого пространства, в котором от него требовалось лишь пристегнуть ремень и дожидаться прилёта.

Они не разговорились. Он не спросил её имени и не стал искать повода задержать возле своего кресла; она уделяла ему ровно столько внимания, сколько требовала работа. Когда обслуживание прекратилось, на столике ещё оставалось немного шампанского. Дэниел отдал бокал, убрал книгу в карман впереди стоящего кресла и приготовился к посадке, всё ещё не представляя, сколько времени придётся провести в городе, название которого он впервые услышал несколько минут назад.

Самолёт начал снижаться. За стеклом появились рваные просветы, тёмные поля, широкая дорога с блестящей полосой разделителя. Дождь шёл неровно: временами земля исчезала, потом снова приближалась, уже с различимыми крышами и маленькими машинами, которые

двигались вниз с оскорбительным спокойствием. У самого бетона самолёт слегка качнуло, Дэниел вцепился в подлокотник, затем почувствовал тяжёлое, совершенно материальное касание колёс. Реверс загудел так громко, что на несколько секунд вытеснил всё остальное, и только после замедления он заметил, насколько сильно сжал зубы.

Они долго стояли на стоянке. Дождь стекал по иллюминатору густыми дорожками, сквозь которые виднелись жёлтые огни и человек в длинном плаще, поднявший руку к рации. Пассажиры попросили подождать информации. Экипаж разносил воду и повторял одни и те же объяснения: продолжить полёт прямо сейчас нельзя, порядок дальнейших действий согласовывается. Дэниел почти не слушал; он смотрел на человека с рацией, который время от времени исчезал за полосами дождя, и ждал, когда наконец откроют дверь.

В терминал их вывели, когда за окнами уже начинало темнеть. Вещи, документы, новые очереди, люди с телефонами, прижатыми к ушам, — всё постепенно складывалось в знакомый беспорядок задержанного рейса. Сотрудники повторяли объяснения по нескольку раз, кто-то требовал гостиницу немедленно, кто-то пытался выяснить, можно ли добраться до Гонконга другим путём. Дэниел стоял чуть в стороне, держа небольшую сумку у ног, и слушал чужое раздражение с почти завистливым вниманием: у этих людей была понятная неприятность, которую можно было назвать вслух.

После формальностей ему разрешили выйти. Он не стал дожидаться общего решения о размещении: сама возможность покинуть ярко освещённый зал казалась достаточной причиной действовать самостоятельно. Нашёл на телефоне Sheraton Haikou, увидел фотографии низкого здания, пальм и моря, выбрал доступный номер. У берега, с балконом. Он задержался на этой детали дольше, чем следовало: в промокшем аэропорту балкон почему-то представлялся обещанием воздуха, которого не нужно делить с другими.

У выхода выяснилось, что машины почти не приезжают. Под широким козырьком стояла очередь, начинавшаяся у пустой полосы для такси и уходившая к стеклянным дверям. Косой дождь долетал до людей даже здесь; вода собиралась у бордюра, поднималась над краем решётки и уходила в неё с хриплым бульканьем. Временами появлялась машина, несколько человек одновременно делали шаг вперёд, служащий в мокром жилете поднимал руку, восстанавливая порядок, и автомобиль исчезал, оставляя после себя запах выхлопа и короткую волну по асфальту.

Дэниел попробовал заказать трансфер через отель. Девушка на другом конце линии выслушала адрес, попросила подождать и вернулась с осторожным объяснением: свободных машин пока нет, они продолжают искать. Он предложил доплатить. Она поблагодарила так, словно он сообщил что-то полезное, и повторила, что свяжется с ним, как только появится возможность. В её голосе не было ни желания поторговаться, ни привычной готовности решить вопрос особым образом. Отсутствие машины оказалось обстоятельством, перед которым его деньги ещё некоторое время ничего не значили.

Через сорок минут у него промокли брюки ниже колен. Он переставил сумку на другую сторону, проверил подтверждение бронирования, снова убрал телефон. Мужчина впереди пытался закрыть сломанный зонт; тонкая спица упиралась ему в ладонь, ткань хлопала на ветру. Рядом женщина держала спящего ребёнка, прикрывая его голову краем собственной куртки. Дэниел вдруг почувствовал себя человеком, которому следовало бы помочь, но не смог придумать подходящего движения и только отступил, освобождая ей чуть больше места под козырьком.

Такси удалось поймать, когда он уже перестал считать минуты. Водитель посмотрел на название гостиницы, что-то быстро сказал служащему, затем несколько раз кивнул Дэниелу, показывая на заднюю дверь. В салоне пахло влажными чехлами и тёплым пластиком. Из вентиляции шёл слабый поток воздуха, на лобовом стекле дрожала маленькая подвеска, дворники

работали на самой высокой скорости и всё равно оставляли перед глазами водителя мутные полосы.

Они ехали долго. Несколько раз сворачивали с широкой дороги, останавливались перед участками, где вода скрывала край тротуара, возвращались назад. В свете фар вспыхивали стволы пальм, низкие ограждения, закрытые павильоны; за стеклом двигались расплывчатые красные иероглифы. Дэниел смотрел на экран карты, где их положение менялось с мучительной медлительностью, и постепенно перестал пытаться понять маршрут. От него снова ничего не зависело, однако теперь даже это не приносило облегчения.

Один раз водитель резко затормозил. Дэниел выставил руку к соседнему сиденью, словно собирался кого-то удержать, и замер с раскрытой ладонью над пустой обивкой. В памяти с пугающей ясностью возникла кисть Лейлы, лежавшая на полу ладонью вверх. Он убрал руку, прижал её к колену и посмотрел в окно. Водитель что-то объяснял, показывая вперёд, где поперёк дороги лежала ветка. Дэниел кивнул, хотя не понял ни слова, и попросил самого себя продержаться хотя бы до гостиницы.

Sheraton появился за мокрыми деревьями неожиданно: несколько освещённых окон, широкий подъезд, фонари, отражённые в воде. Под навесом работали люди, переносили багаж, придерживали двери, направляли машины. Здесь существовал порядок, уставший, промокший, но ещё способный принимать новых гостей. Когда швейцар открыл дверь, Дэниел почувствовал такую благодарность за простое указание, куда идти, что едва не сказал об этом вслух.

Вестибюль был полон чемоданов. Возле стоек регистрации стояли семейные пары, люди в деловых костюмах, две женщины в одинаковых дорожных куртках. Кто-то сидел на сумке и ел печенье из открытой упаковки. По светлому полу тянулись следы обуви; сотрудница с длинной щёткой безуспешно пыталась высушить участок у входа, на который тут же наступали снова. Сквозь высокое пространство холла приходил глухой удар дождя по наружным конструкциям, и Дэниел никак не мог определить, где именно заканчивается защищённая часть здания.

На регистрации подтвердили бронирование и предупредили, что сегодня возможны задержки с обслуживанием. Он сказал, что понимает, хотя понимание уже начинало требовать от него отдельного усилия. Девушка рассказала, где подают ужин, показала направление к номеру и добавила, что выходить на открытые участки следует осторожно. Дэниел машинально спросил, далеко ли море. Она на секунду посмотрела на тёмные окна, затем ответила, что утром он увидит его с балкона, если погода улучшится.

До номера его проводил молодой сотрудник с полотенцем на плече. Часть пути проходила под крышей, но вдоль открытой галереи ветер проталкивал дождь почти горизонтально. Вода блестела на плитке, собиралась у стен, переливалась через узкие стыки. Перед несколькими дверями лежали скрученные полотенца; у одной сотрудница отжимала тряпку в серое ведро, и на секунду Дэниелу стало неловко за собственное раздражение, такое чистое, дорогое, ни разу не потребовавшее от него согнуться к полу.

Возле его двери вода подобралась к самому порогу. Сотрудник вытер плитку, отодвинул уплотнённую полосу ткани и, открыв номер, первым делом проверил прихожую. Внутри было сухо, если не считать нескольких тёмных следов у входа. Дэниел поставил сумку на подставку и посмотрел на широкую кровать, кресло, плотно закрытые стеклянные двери балкона. Обычная гостиничная комната предлагала ему всё необходимое для жизни, которую следовало продолжать, и именно эта готовность оказалась почти невыносимой.

Он принял душ, долго стоял под тёплой водой, не закрывая глаз, затем переоделся и сел в кресло. Телефон лежал рядом, экран время от времени загорался: сообщение о бронировании, письмо издателя, уведомление, которое он не стал открывать. Дэниел достал книгу, положил на стол обложкой вверх, затем перевернул, словно это могло изменить её присутствие. В номере пахло чистым бельём и влажным воздухом, проникавшим даже сквозь закрытые двери, а дождь

снаружи повторял один и тот же длинный звук, не оставлявший пауз, в которых можно было уснуть.

Ему хотелось человеческого голоса. Желание было настолько простым, что сначала он принял его за голод. Посмотрел на часы, вспомнил объяснения на регистрации и спустился в Breeze, один из двух ресторанов гостиницы. Сквозь стекло тёмный сад был почти неразличим, зато внутри горели тёплые лампы, звенела посуда и пахло горячей едой. Несколько столиков занимали люди, которые, судя по одежде и одинаково усталым движениям, тоже не собирались проводить этот вечер в Хайкоу.

У окна сидела девушка, повернувшись к залу спиной и чуть склонив голову над столом. На спинке стула висела лёгкая кофта, рядом стояла небольшая дорожная сумка. Дэниел скользнул по ней взглядом, собираясь пройти к свободному столику, и остановился. Волосы были небрежно подколоты, несколько влажных прядей выбились и лежали вдоль шеи, а между ними, чуть выше широкого ворота светлой футболки, темнел маленький знак.

Сначала он даже не понял, что именно увидел. Взгляд задержался на нескольких чёрных линиях, на их знакомом соединении, и всё остальное — лампы над столами, движение официанта, шум дождя по стеклу — будто отступило на несколько шагов. У основания её шеи была Альгиз. Настоящая татуировка, открытая свету, на чужой коже. Дэниел стоял неподвижно, чувствуя, как внутри медленно поднимается что-то, для чего он ещё не успел подобрать слова.

Эвелин после сна точно так же поднимала волосы, открывая ему шею. Стамбульское утро, ещё свежие чернила, его палец, осторожно скользящий рядом с татуировкой. Он тогда назвал её знаком защиты и выбора, а Эвелин сказала, что в следующий раз они выберут знак для него вместе. Дэниел помнил её сонный голос, собственный смех, тепло, с которым она прижалась к нему, когда он обнял её за талию. Воспоминание было таким близким, что на мгновение он почти ожидал увидеть знакомое лицо, если девушка повернётся.

Она оставалась к нему спиной. Поднесла чашку к губам, поставила на блюдце, посмотрела куда-то за окно. От этого простого движения знак чуть сместился вместе с кожей, и Дэниел почувствовал болезненное желание подойти ближе, убедиться, что не ошибся. Он любил Эвелин и продолжал любить её сейчас, в чужом ресторане, посреди сорванной поездки, глядя на маленькую татуировку, которая за несколько секунд вернула ему целую жизнь. Он ещё не рассмотрел женщину за столом и совсем не думал о том, что мог видеть её раньше.

Официант негромко спросил, где он хотел бы сесть. Дэниел не сразу услышал, повернул голову, затем снова посмотрел к окну. Девушка обернулась на их голоса, заметила его и улыбнулась с лёгкой, спокойной узнаваемостью. Он всё ещё пытался соединить её лицо с тем, что только что увидел, когда она заговорила первой.

— Рада снова видеть вас, мистер Кроу. Надеюсь, скоро мы сможем продолжить наш полёт.

Он узнал голос, а следом, с небольшим запозданием, и её саму: ту бортпроводницу, которая приносила шампанское. Без формы, с иначе уложенными волосами, в обычной светлой футболке она выглядела настолько по-другому, что ему пришлось ещё раз мысленно вернуться в салон, к проходу между креслами, к её коротким рабочим улыбкам. В самолёте они ни о чём не разговаривали. Он заметил, что она красива и обходительна, поблагодарил за обслуживание и больше ничего о ней не знал.

— Добрый вечер, — ответил он наконец. — Не ожидал встретить вас здесь.

— Нас привезли совсем недавно. Кажется, сегодня все оказались там, где не собирались.

Дэниел посмотрел на свободный стул напротив неё. До этой минуты он не знал, что экипаж тоже разместили в Sheraton. Не видел, как их привезли, не узнавал коллег в холле; он выбрал гостиницу по фотографиям на телефоне и добирался сюда один, в промокшем такси. Всё, что сейчас происходило, возникло уже после того, как он вошёл в ресторан и остановился перед чужой спиной со знаком Эвелин.

— Можно присесть? — спросил он.

Она чуть подвинула сумку и кивнула.

— Конечно. Только я очень хочу поесть. До этого всё время приходилось ждать.

Он сел, положил руки на край стола и заметил, что пальцы никак не могут устроиться спокойно. Теперь татуировки не было видно. Перед ним сидела живая, незнакомая женщина, ждала свой ужин и смотрела на него с вежливым любопытством. Она назвала своё имя: Вивиан. Дэниел повторил его, стараясь придать голосу обычную интонацию.

Официант положил перед ним меню, принёс ей тарелку с горячим супом. Вивиан поблагодарила по-китайски, взяла ложку и спросила, давно ли он приехал. Дэниел рассказал о такси, о пустой полосе перед терминалом, о машине, которую так и не смогли найти в гостинице. Говорить о дороге оказалось неожиданно легко: понятные неудобства, время ожидания, промокшие брюки. Вивиан слушала, иногда кивала, затем призналась, что их автобус тоже пришлось ждать дольше обычного.

Размещением занимался местный представитель. Привычного блока номеров здесь для них не оказалось, другие гостиницы одна за другой отказывали или могли принять только часть экипажа. В Sheraton удалось найти оставшиеся комнаты, и к тому моменту всем было достаточно знать, что там есть кровати и горячая еда. Она рассказывала об этом просто, с усталой улыбкой, словно продолжала день, в котором менялись распоряжения, телефоны, люди за стойками, а возможность наконец спокойно поужинать всё время откладывалась.

Дэниел поймал себя на том, что старается слушать особенно внимательно. Ещё до того, как вошёл сюда, ему хотелось чужого голоса, разговора, чьего-то присутствия за столом. Он думал, что новые знакомства помогут выдержать ближайший вечер, а потом и следующий, что можно будет заполнить людьми часы, в которые память не оставляла ему места для жизни. Клин клином; теперь эта мысль звучала особенно беспомощно. Несколько чёрных линий на шее незнакомой женщины заставили его остановиться, и, сидя напротив неё, он всё ещё слышал голос Эвелин яснее, чем собственные слова.

— Вы впервые летите в Гонконг? — спросила Вивиан.

Он кивнул, опустил глаза в раскрытое меню, затем снова посмотрел на неё. На несколько секунд ему захотелось сразу спросить о татуировке, выяснить, когда она появилась и почему Вивиан выбрала именно этот знак. Но вопрос требовал объяснения, к которому он ещё не был готов. Она ждала ответа на простой вопрос о поездке, и Дэниел заставил себя вернуться к нему.

— Да. Собирался пожить там какое-то время. Пока не знаю, сколько.

Вивиан улыбнулась и сказала, что для первого знакомства с городом он выбрал непростой день. За её плечом стекло вздрогнуло от нового порыва ветра, вода прошла по нему широкой дрожащей полосой. Дэниел слушал, как она говорит о Гонконге, представлял город, до которого они ещё не добрались, и чувствовал, что теперь в этой поездке появилось нечто, чего он не мог ни запланировать, ни объяснить. Вивиан немного повернулась, обращаясь к официанту, и у края ворота снова показалась знакомая чёрная линия. Он отвёл глаза, слишком поздно поняв, что уже несколько секунд не слышит ни одного слова.

Ближе к концу ужина из холла донеслась музыка. Сначала Дэниел различал только ровный удар по тарелке, затем вступил женский голос, знакомая мелодия зазвучала чуть медленнее, чем он помнил. Вивиан повернула голову, прислушалась и улыбнулась. Через стекло ресторана было видно, как за дверями движутся люди, кто-то останавливается возле колонны, ребёнок пробегает между взрослыми с гостиничным тапком в руке. Вечер продолжался совсем рядом, и после ужина они вышли в лобби, не успев договориться, что будут делать дальше.

Баром здесь называлась скорее длинная стойка в открытом пространстве, окружённом диванами и низкими столиками. Уединиться от холла было невозможно: звенели чашки, гудели разговоры, дети играли между креслами, взрослые следили за ними вполглаза, одновременно проверяя телефоны. У некоторых под ногами стояли чемоданы; на одном из диванов

мужчина спал, укрывшись курткой. Из-за тайфуна все эти люди оказались заперты в гостинице, и просторное лобби постепенно превратилось в общую гостиную, где приходилось мириться с чужими голосами, усталостью и привычками.

Возле дальней стены играла местная кавер-группа. Певица держала микрофон обеими руками, гитарист то и дело наклонялся к маленькому усилителю, за клавишами сидел мужчина в белой рубашке с закатанными рукавами. Они исполняли знакомые англоязычные песни, иногда сбивались в начале и переглядывались, находя нужный темп. Дэниел поймал себя на том, что следит за этим с неожиданным удовольствием. Музыка не требовала от людей быть счастливыми, можно было просто сидеть рядом, слушать и ждать, пока снаружи закончится дождь.

— Посидим ещё немного? — спросил он.

Вивиан посмотрела на часы, затем на свободное место у края дивана и кивнула.

— Только найдём, куда сесть. Кажется, все решили то же самое.

У стойки Дэниел попросил игристое. Бармен показал единственную оставшуюся позицию: Chandon. На этикетке под знакомым названием отчётливо стояло China, и в этой короткой надписи ему почудилась какая-то спокойная, совершенно не нуждавшаяся в объяснениях гордость. Он задержал взгляд на бутылке, словно только теперь по-настоящему заметил, в какой стране оказался, затем попросил два бокала.

Они устроились на небольшом диване, освободившемся возле колонны. Соседний столик занимала семья с двумя детьми, один из которых сосредоточенно строил что-то из бумажных стаканчиков. Вивиан убрала сумку под ноги, чуть подалась вперёд, принимая бокал. Дэниел осторожно коснулся его своим, и тонкий звон почти сразу потерялся в музыке. Вино было прохладным, пузырьки легко покалывали язык; он сделал небольшой глоток и откинулся на спинку, впервые за день не ощущая необходимости немедленно куда-то двигаться.

Они говорили о городе, в который так и не попали, о гостиницах, где трудно заснуть из-за непривычного шума, о том, как странно после длинного перелёта снова оказаться в ожидании. Вивиан рассказывала, что дома иногда просыпается и несколько секунд пытается вспомнить, в какой стране находится. Дэниел рассмеялся, представив её в знакомой комнате, среди собственных вещей, всё ещё мысленно ищущую табличку с номером возле двери. Она подхватила его смех, и разговор стал свободнее, потерял ту осторожную правильность, с которой они начали ужин.

Бутылка понемногу пустела. Когда Вивиан говорила, он замечал, как меняется её лицо, как она морщит нос, подыскивая точное слово, как придерживает ножку бокала двумя пальцами. Несколько раз она отвлекалась на детей, улыбалась их возне, однажды помогла поднять упавший стаканчик. Дэниелу нравилось, что она не пытается сделать этот вечер значительнее, чем он есть. Он всё ещё помнил татуировку, однако теперь рядом со знаком постепенно появлялся человек, которого хотелось слушать и о котором он почти ничего не знал.

Вопрос об Альгиз оставался при нём. Временами достаточно было Вивиан повернуться или поправить волосы, чтобы он снова вспомнил Эвелин, стамбульский свет, тёплую кожу под пальцами. Дэниел всякий раз возвращался к разговору чуть медленнее, но не пытался заставить женщину рядом дать немедленное объяснение тому, что произошло внутри него. Пока ему хотелось сохранить этот простой вечер: музыку, голоса, прохладу бокала, чужое плечо совсем близко. Он налил остаток вина поровну, и они допили его, уже не следя за временем.

Когда группа объявила короткий перерыв, стало слышно, насколько сильно шумит дождь. Кто-то возле окон поднял голову, ребёнок перестал катать стаканчик по столу; через несколько секунд раскат грома прошёл над зданием, тяжёлый, протяжный, заставивший едва заметно дрогнуть стеклянную перегородку. Вивиан поставила пустой бокал рядом с бутылкой и посмотрела в сторону выхода к жилым корпусам. Дэниел поднялся вместе с ней, подписал счёт у стойки, затем они медленно прошли через холл, огибая чемоданы и чужие вытянутые ноги.

В открытой галерее было прохладнее. Ветер гнал дождевую пыль под крышу, вода блестела на плитке; у дверей номеров по-прежнему лежали свёрнутые полотенца. Они шли рядом, временами приближаясь друг к другу, чтобы разминуться с мокрыми участками пола. После шумного лобби голос Вивиан казался особенно близким, хотя она говорила совсем тихо. Дэниел не сразу понял, о чём она спрашивает: он смотрел на прядь, выбившуюся у её виска, на каплю воды, зацепившуюся за волос, и чувствовал почти болезненное желание сократить оставшееся между ними расстояние.

Впереди вспыхнула молния. Вивиан замедлила шаг, повернулась к нему, и в этот момент Дэниел резко приблизился и поцеловал её. Она на секунду замерла от неожиданности, ладонь легла ему на грудь, затем пальцы сжали ткань рубашки и она ответила, притянув его ближе. Гром раскатился над крышей, заглушая дождь; Дэниел чувствовал её дыхание, прохладные после бокала губы и то, как под его ладонью постепенно уходит напряжение её плеча.

Он отстранился лишь настолько, чтобы увидеть её лицо. Вивиан смотрела на него молча, всё ещё держась за рубашку, потом разжала пальцы. Дэниел взял её за руку, почувствовал, как она сжала его ладонь в ответ, и повёл вдоль галереи к своему номеру. Они ничего не говорили. У двери он достал карту, приложил к замку и, услышав короткий щелчок, придержал створку. Вивиан вошла вместе с ним; ещё один раскат грома прошёл над открытой галереей, когда дверь за ними закрылась.

Глава 2

Утром Дэниел проснулся от чужого будильника. Мелодия была короткой, негромкой, совершенно неуместной среди тёплого белья и серого света, просачивавшегося между шторами. Женщина рядом потянулась к телефону, выключила звук и несколько секунд лежала неподвижно. Он смотрел на её плечо, открытое над одеялом, и ждал, когда память окончательно расставит всё по местам. Хайку. Дождь. Вивиан. Она повернулась к нему, сонная, со следом подушки на щеке, и улыбнулась так просто, что ему захотелось закрыть глаза и начать это утро ещё раз.

— Который час? — спросил он.

— Чуть больше семи. Извини. Забыла отключить. Сегодня это совершенно бесполезный звук.

Она открыла рабочий чат. Дэниел заметил, как изменилось её лицо: исчезла рассеянность, взгляд стал внимательным, губы беззвучно повторили короткую строчку. Он хотел спросить, нужно ли ей уходить, однако вопрос показался слишком ранним для человека, которого вчера ещё не существовало в его жизни. Вивиан сама сказала, что новых указаний пока нет, и положила телефон экраном вниз. На её запястье осталась тонкая красная полоска от резинки для волос.

Ночью он почти не думал. Тело, долго жившее отдельно от всего остального, вдруг вспомнило простую способность отвечать на прикосновение, слышать чужое дыхание совсем близко, различать его перемены. Вивиан не спрашивала, почему он то замирает, то снова прижимает её к себе с такой силой, словно между ними открывается пустота. Однажды придержала его лицо ладонями и посмотрела прямо в глаза. Он запомнил эту паузу яснее, чем всё, что было после: она словно ждала, чтобы он вернулся в комнату, где находился, к женщине, которая лежала рядом. Сейчас, в утреннем свете, в этом воспоминании не было ничего героического. Ему хотелось верить, что он вернулся.

Вивиан села, обхватив колени краем одеяла. Волосы упали вперёд, и у основания шеи показалась татуировка. Дэниел отвёл глаза, затем вернул их обратно, как человек, проверяющий больное место. Маленькая чёрная развилка жила вместе с ней: смещалась, когда она наклонялась, скрывалась под прядями, снова появлялась, пока она искала на полу футболку. У Эвелин линии были чуть тоньше. Различие поражало его своей бесполезной точностью. Он мог забыть содержание целого письма, но помнил расстояние между двумя чернильными ветвями на коже умершей женщины.

— Что такое? — Вивиан обернулась через плечо. — Я опять забрала всё одеяло?

— Нет. У тебя татуировка.

— Есть такое подозрение, — сказала она, улыбнувшись. — Ты заметил её вчера?

Он кивнул. Вопрос, который столько раз складывался в голове, вдруг стал трудным. Можно было спросить о мастере, о возрасте татуировки, о случайности выбора, однако за каждым нейтральным словом стояло имя, произнести которое в этой постели он не решался. Вивиан надела футболку, заправила прядь за ухо и повернулась к нему уже лицом. Она не торопилась. Дождь шуршал за стеклом, кондиционер работал с ровным нажимом, где-то в коридоре коротко звякнуло ведро.

— Альгиз, — сказал он. — Ты знаешь, как она называется?

— Теперь да. Когда выбирала, мне казалось, что это маленькое дерево. Мастер меня поправил.

— Давно?

— Шесть лет. Или почти семь. У меня в тот год всё происходило одновременно, я иногда путаю порядок.

Она провела пальцами по затылку, словно могла нащупать рисунок сквозь кожу, и добавила, что расскажет за завтраком. Сейчас ей нужно было вернуться к себе, умыться и найти вещи, которые не пахнут вчерашним холлом. Дэниел почувствовал короткое разочарование, нелепое в своей силе. Он уже представлял поднос с кофе, её босые ступни у края кровати, целый день, на который не придётся договариваться. Вивиан между тем искала второй носок и была занята ровно тем, чем человек занят после ночи в чужом номере.

— Я подожду тебя внизу, — сказал он.

— Дай мне минут сорок. И не занимай стол так, будто отбиваешь территорию.

Он рассмеялся. У двери Вивиан продиктовала свой номер, дождалась короткого звонка с его телефона и сохранила контакт. Затем поцеловала его, коротко и без той настойчивости, которая могла бы превратить уход в обещание. Затем шагнула через влажное полотенце на пороге и пошла по галерее, придерживая волосы ладонью. Дэниел остался в дверях, пока её шаги не растворились в шуме воды. На плитке лежал обломок тонкой ветки, занесённый ветром; несколько листьев прилипли к стене выше плинтуса. Ночью ему казалось, что они вышли из дождя в отдельный мир. Утро возвращало гостинице её настоящие размеры.

В ванной он долго смотрел на свои руки. На правой костяшке выступала сухая трещинка, оставшаяся после слишком горячей воды, и он машинально потянулся за кремом, затем остановился. Вспомнил, как пальцы Лейлы пытались разжать его хватку. Память пришла без картинки комнаты, без звука, с одной только физической точностью чужого ногтя на коже. Дэниел повернул кран, подставил кисти под прохладную струю и стоял так, пока зеркало не перестало отражать его лицо из-за поднявшегося пара. Потом понял, что вода холодная и никакого пара нет. Он просто слишком близко наклонился к стеклу.

В ресторане было шумнее, чем накануне. Люди, которым удалось выспаться, теперь требовали расписание, новости, нормальный кофе; возле стойки с горячими блюдами выстроилась очередь. На полу у окна стоял небольшой жёлтый знак, предупреждавший о влажной плитке. Дэниел выбрал стол, с которого было видно вход, и только сев, вспомнил просьбу Вивиан не отбивать территорию. Он переставил чашку, убрал сумку с соседнего стула, затем снова вернул её себе под ноги. За этим бессмысленным занятием его и застала Вивиан.

На ней были тёмные брюки и свободная рубашка; волосы она собрала выше, чем вчера, оставив шею открытой. Поздоровалась с официанткой, спросила о кофе, взяла тарелку с фруктами и маленькую миску рисовой каши. Дэниел заказал двойной эспрессо без сахара. Вивиан посмотрела на крошечную чашку и призналась, что утром ей нужно что-нибудь побольше: иначе день начнётся и закончится раньше, чем она успеет проснуться.

— Капучино? — спросил он слишком быстро.

— Сегодня, пожалуй, фильтр. А что?

— Ничего. Просто угадал неправильно.

Эвелин любила капучино с корицей. Иногда забирала его чашку, пробовала и морщилась с таким искренним возмущением, словно горький кофе был личным недостатком Дэниела, который ещё можно исправить. В Лондоне, в одно из обычных утр, она оставила на его кухне открытую баночку корицы. Крышка потом долго не находилась. Он помнил, как сердился на рассыпанный порошок, как она вытирала стол влажной салфеткой, смеясь над серьёзностью его лица. Теперь отдал бы многое, чтобы снова увидеть этот испачканный стол и произнести ту же глупую претензию, зная, что женщина у окна через минуту обернётся.

— Ты сейчас очень далеко, — сказала Вивиан.

Дэниел поднял глаза. Она не смотрела на него с обидой, просто придерживала ложку над миской и ждала. Можно было сослаться на перелёт, бессонную ночь, головную боль. Он почти выбрал головную боль, но усталость сделала ложь труднее, чем короткую правду.

— Вспомнил человека, который любил кофе с корицей.

— Близкого?

— Да. Очень.

Вивиан кивнула и вернулась к завтраку. Она не стала спрашивать, где этот человек сейчас, не произнесла ничего о том, что прошлое следует оставлять в прошлом. Дэниел испытывал благодарность и одновременно странную досаду: ему дали возможность остановиться ровно там, где он сам остановился. Раньше он умел управлять разговором при помощи недосказанности; собеседник начинал вытягивать историю, и власть оставалась у того, кто решал, сколько открыть. Вивиан не тянула. Ему пришлось самому продолжить.

— Она умерла, — сказал он. — Её звали Эвелин.

Теперь Вивиан положила ложку. На несколько секунд шум ресторана стал отчётливее: передвинули стул, засмеялся ребёнок, кофемашина выпустила короткую струю пара. Она сказала, что ей жаль, тихо, без той интонации, которая превращает соболезнование в церемонию. Дэниел кивнул и сделал глоток. Эспрессо остыл, но он допил его с неожиданным упрямством.

— У неё был такой же знак, — добавил он, коснувшись пальцем собственной шеи. — Поэтому я вчера так посмотрел.

Вивиан чуть откинулась на спинку стула. Он увидел, как она соединяет это признание с остановкой у её столика, с его отсутствующим взглядом, с тем, чего он не объяснял ночью. Ему захотелось немедленно сказать, что дело не только в татуировке, что он заметил её ещё в самолёте, что она красива независимо от совпадений. Любая из этих фраз сейчас прозвучала бы оправданием. Он удержался, и Вивиан ответила сама.

— Тогда понятно. Я решила, что у меня что-то на спине.

Она улыбнулась, но не скрыла серьёзности. Потом спросила, хочет ли он услышать её историю. Дэниел сказал, что да, и впервые с начала утра почувствовал настоящую неловкость за то, как легко чужое тело стало для него дверью в собственную память.

Татуировку Вивиан сделала в Гонконге, когда ей было двадцать четыре. Тогда она ещё не летала, работала в гостинице, училась улыбаться людям, требовавшим невозможного, и жила с мужчиной, который очень любил объяснять ей, какую жизнь они выбрали. Ключевым словом было «они», хотя выбирал почти всегда он. В день, когда она забрала вещи, у неё оказалось два чемодана, сломанная ручка на одном из них и достаточно денег ровно до следующей зарплаты. Подруга пустила её к себе, а через несколько недель они пошли в маленькую студию, где на стене висел лист с рисунками.

— Я выбрала дерево, — повторила Вивиан. — Оно было похоже на человека, который наконец поднял руки. Не сдаётся, а просто перестал всё время держать их вдоль тела.

Мастер рассказал ей, что это руна и что в его каталоге она связана с защитой. Вивиан не пыталась выяснять, насколько он хороший знаток древностей; ей понравилось, что рисунок не требует чужого имени, даты или обещания вернуться. Она попросила сделать его маленьким, у шеи, чтобы самой не видеть каждый раз в зеркале. Дэниел слушал, и сходство с Эвелин становилось одновременно сильнее и сложнее. Тот же участок кожи, тот же знак, но совсем иная женщина в совсем иной комнате выбрала его для себя.

— Он тебя защищает? — спросил Дэниел.

— Иногда напоминает, что я тоже должна что-нибудь для этого делать. Но от задержанных рейсов, как видишь, бесполезен.

Она потянулась за стаканом воды, и он заметил белый след от старого ожога на внутренней стороне запястья. Хотел спросить и об этом, собрать ещё одну маленькую подробность, словно подробности могли гарантировать близость. Вместо этого рассказал, как сам однажды приехал не в тот аэропорт, потому что слишком уверенно посмотрел на билет. Вивиан потребовала подробностей. Ему пришлось признаться, что он ещё полчаса убеждал водителя в ошибке навигатора, и она рассмеялась так громко, что женщина за соседним столом обернулась.

Постепенно завтрак потерял тяжесть признания. Они спорили о том, можно ли считать гостиничные завтраки отдельной профессией, выбирали самый нелепый предмет, который пас-

сажиры забывают в креслах, рассказывали о городах, где так и не вышли дальше квартала от отеля. Вивиан не называла имён и не превращала чужую растерянность в представление; смешное у неё возникало из мелочей, из серьёзности людей, спорящих с номером выхода на посадку или с формой подушки. Дэниел слушал и замечал, что ему не нужно придумывать следующую эффектную реплику. Можно было просто дожидаться конца её истории.

Когда они вышли из ресторана, дождь немного ослаб. Под навесом у сада пахло мокрой землёй и чем-то зелёным, раздавленным ветром. Далеко за оградой виднелась полоска моря, мутная, тяжёлая, совершенно непохожая на воду с гостиничных фотографий. Рабочие собирали ветки в мешки; один из них остановился, распрямил спину и долго смотрел на верхушку пальмы. Дэниел и Вивиан встали рядом у колонны. Он взял её за руку, на этот раз медленно, оставив ей возможность не заметить движение. Она переплела пальцы с его пальцами.

— Ты уже решил, где будешь жить в Гонконге? — спросила она.

Он назвал W. Вивиан кивнула, сказала, что оттуда удобно начинать почти любую поездку, и предложила показать ему город, когда совпадут свободные дни. Произнесла это легко, как говорят о прогулке, которую хочется совершить. Дэниел же сразу увидел целую последовательность: её сообщение, встреча у лифта, знакомый поворот головы в лобби, столик, за которым он будет знать, что она придёт. Он поймал себя на этом далеко не сразу.

— Покажешь настоящий? — спросил он.

— Тот, в котором я живу. За настоящий пусть отвечают путеводители.

Она прислонилась плечом к его плечу, и несколько минут они молчали. Дэниел смотрел на работающих людей, чувствовал тепло её ладони и впервые за долгое время не пытался придумать, как этот момент должен выглядеть со стороны. За их спинами начинался ещё один гостиничный день; море шумело за мокрым садом, телефон в кармане оставался беззвучным. Он знал, что когда-нибудь придётся достать его и ответить, но сейчас Вивиан стояла рядом, живая, тёплая, принадлежавшая собственной жизни, и этого хватало, чтобы сделать следующий вдох.

Когда ветер переменился, дождь долетел до них даже под навесом. Вивиан вздрогнула, прижалась на секунду сильнее, затем потянула его обратно к холлу. На её предплечье остались холодные капли. Дэниел провёл по ним пальцем, и она улыбнулась, но уже смотрела в сторону жилого корпуса: нужно было забрать кое-что из номера. Он вызвался пойти вместе. Она согласилась так естественно, будто не замечала, насколько важным для него становится любое разрешение продлить утро.

На повороте галереи стояла тележка с бельём. Молодая сотрудница пыталась одновременно удержать большой пакет от ветра и закрыть дверь подсобного помещения. Вивиан придерживала створку, Дэниел поднял упавшее полотенце. Девушка поблагодарила, сказала, что проход дальше ненадолго перекрыли: вода стала собираться у одного из наружных участков, нужно обойти через холл. Дэниел спросил, почему не предупредили раньше. Интонация вышла резче, чем требовали несколько лишних метров.

Вивиан посмотрела на него. Не укоризненно, скорее удивлённо, и он сразу почувствовал желание объяснить, что имеет право ожидать нормальной организации. Сотрудница повторила извинение, прижала пакет к груди и пошла дальше. Дэниел остался с полотенцем в руках, которое уже некому было вернуть. Вивиан взяла его, положила на край тележки и сказала, что они могут просто пройти другим путём. Никакого особого смысла в её словах не было. От этого он услышал собственную претензию ещё отчётливее.

— Я не собирался на неё срываться, — сказал он.

— Наверное. Но получилось так, будто она лично выбрала место для дождя.

Он усмехнулся. Умел принимать замечания, когда они были достаточно смешными, чтобы не чувствовать себя уличённым. Вивиан не стала развивать тему. Они вернулись в холл, прошли мимо людей, уже разложивших свои вещи на диванах, и остановились возле маленькой

витрины с одеждой и дорожными мелочами. Вивиан заметила там простую футболку, спросила цену, потом заглянула внутрь. Дэниел пошёл за ней, всё ещё испытывая раздражение, которому теперь не находилось достойного адресата.

Магазин занимал совсем немного места. Купальные принадлежности, шляпы, крем, несколько рубашек, сувениры, предметы, которые человек обычно покупает, забыв дома что-нибудь нужное. На низкой полке стояли коробки с печеньем. Вивиан выбирала между двумя почти одинаковыми футболками, прикладывая к себе одну, затем другую. Дэниел предложил взять обе. Она ответила, что ей нужна одна, сухая, и продолжила сравнивать ткань. Он почувствовал себя немного лишним: его участие опять оказалось проще того решения, которое человек хотел принять сам.

— Тогда эту, — сказал он, показывая на светлую.

— Почему?

— Тебе идёт.

Вивиан посмотрела в маленькое зеркало. Он видел её отражение и собственное лицо за плечом. Захотелось обнять, положить подбородок на её макушку, сделать этот случайный кадр похожим на общую жизнь. Но она как раз подняла руки, собирая волосы, и движение остановило его. Вивиан разглядывала шов у ворота, проверяла размер, занималась телом, которое принадлежало ей. Альгиз на секунду показалась между прядями. Дэниел заставил себя смотреть на лицо в зеркале, а не на знак.

Она выбрала другую футболку. Поблагодарила за мнение и объяснила, что светлая слишком тонкая, будет неудобно носить без верхнего слоя. В этом не было отказа от него, только причина, которую он не учёл. Дэниел кивнул, взял с полки бутылку воды, чтобы тоже сделать покупку. Продавщица сложила вещи в пакет, спросила что-то у Вивиан, они обменялись несколькими фразами. Он ждал. Снова оказался снаружи разговора, но на этот раз заметил любопытство раньше, чем обиду.

— Она думает, что мы молодожёны, — сказала Вивиан, когда вышли.

Дэниел рассмеялся слишком охотно. Спросил, что ответила. Вивиан сказала, что познакомились вчера. Продавщица, по её словам, удивилась и пожелала хорошего отдыха, как пожелала бы любой паре. Дэниел на секунду почувствовал разочарование от этой точности. Ему понравилось быть человеком из чужого предположения: мужем, спутником, кем-то уже определённым. Вивиан вернула их к действительности без намерения обидеть, и действительность сразу показалась менее уютной.

— Тебе не понравилось? — спросила она.

— Что именно?

— Что я сказала правду.

Он хотел возразить, однако её улыбка была слишком открытой, чтобы защищаться всерьёз. Признался, что понравилась версия продавщицы. Вивиан кивнула, сказала, что версия действительно красивая, только ей пока рано в ней жить. Дэниел посмотрел на её пакет, на влажные следы обуви впереди. От простого «пока рано» в груди возникло беспокойство, хотя утро не содержало ни одного обещания, которое она нарушила. Он понимал это достаточно ясно, чтобы промолчать.

У её номера было суше. Кто-то аккуратно уложил полотенце вдоль порога, сдвинул коврик, протёр ручку двери. Вивиан открыла, пропустила его внутрь. Комната почти не отличалась от его собственной, но вещи сразу делали её чужой: форма висела отдельно, небольшая косметичка раскрыта у зеркала, на столе лежали зарядка, часы и пакет с фруктами. Кровать была заправлена плохо, одним движением, которым не пытаются произвести впечатление. Дэниел ощутил нежность именно к этому беспорядку. Ему позволили войти туда, где ничего не подготавливали к его взгляду.

Вивиан сменила футболку в ванной, вернулась, протягивая мокрую через спинку стула. Дэниел сидел в кресле и старался не смотреть на рабочие бумаги. Хотел узнать всё сразу: расписание, имена коллег, что лежит в маленьком закрытом отделении сумки. Не ради проверки, говорил себе. Ради близости. Но если бы она сейчас начала рассматривать его телефон с таким же жадным интересом, назвал бы это иначе. Мысль оказалась неприятной, и он отвлёкся на фотографию, закреплённую внутри прозрачного чехла для документов.

На ней две женщины смеялись в тесной кухне, одна держала перед собой тарелку, другая пыталась закрыть лицо ладонью. Вивиан увидела, куда он смотрит, сказала, что это сестра. Показала снимок ближе, объяснила, как приготовили блюдо по рецепту матери, уверенные, что всё помнят, а потом обнаружили, что не помнят главного. Пришлось звонить отцу, который сначала делал вид, будто занят, потом сам приехал и исправил. Дэниел слушал историю без трагедии, без необходимости немедленно сочувствовать, и чувствовал почти зависть к её простому продолжению.

Ей позвонил отец. Вивиан показала экран, спросила, не возражает ли он, и ответила, не дожидаясь особого разрешения. Говорила быстро, временами смеялась, один раз отставила телефон и открыла пакет с фруктами, словно выполняла полученное поручение. Дэниел понял: снова спрашивают, поела ли. Она показала ему кусочек фрукта, театрально подняв брови, и он улыбнулся. Хотелось, чтобы она рассказала отцу о мужчине в кресле. Не рассказала. День, который для него уже становился поворотом судьбы, в семейном разговоре пока оставался задержкой рейса.

После звонка Вивиан извинилась за долгий разговор. Дэниел спросил, всегда ли отец так волнуется. Она ответила, что волнение давно стало у него способом сказать «люблю», потому что само слово даётся труднее. Дэниел подумал об Эвелин. Как часто говорил ей нужные слова легко, красиво, уверенно — и как неловко бывало просто заметить, что она устала, не превращая усталость в вопрос о себе. Он умел произносить любовь. С ежедневным её устройством отношения были сложнее.

Вивиан положила телефон на стол, подошла, села на подлокотник его кресла. От неё пахло новой тканью и водой. Спросила, не потерялся ли снова в мыслях. Он ответил, что немного. Она не стала требовать возвращения, только провела пальцами по волосам у его виска. Дэниел повернул голову, поцеловал её ладонь и почувствовал благодарность, которой пока удавалось быть просто благодарностью. Не обещанием, что теперь она всегда сумеет сделать ему легче.

Некоторое время сидели молча. За окном ветер двигал листья, откуда-то доносился стук колёс тележки. У Вивиан начали закрываться глаза. Дэниел предложил оставить её поспать, и она сказала, что пока рано, ещё нужно узнать новости, поесть, перестать чувствовать себя человеком, которого забыли между странами. Он рассмеялся. Поднялся, протянул руку. Она взяла её, потом отпустила, чтобы подобрать с пола резинку. Он дождался, не подгоняя, и они вышли вместе, оставив за дверью комнату, в которую его только что впустили и которая от этого не стала его комнатой.

Глава 3

К полудню гостиница научилась жить внутри непогоды. У лифтов появились новые объявления, сотрудники переставили несколько кресел подальше от открытых проходов, на стойке рядом с расписанием завтрака лежала стопка полотенец. Люди перестали каждую минуту смотреть в окна и занялись тем, что привезли с собой: раскрывали компьютеры, уговаривали детей поспать, разговаривали по видеосвязи с теми, кому ещё предстояло объяснить задержку. Дэниел и Вивиан устроились в глубине холла, где вчера играла группа. Теперь возле маленького усилителя стояла пластиковая бутылка воды, забытая кем-то после выступления, и отсутствие музыки казалось почти личным.

Вивиан нужно было ответить старшей бортпроводнице. Она отошла к колонне, прикрывая одно ухо ладонью, а Дэниел открыл книгу, которую принёс с собой. На первой странице стояло посвящение Марко. Чернила, когда-то положенные его собственной рукой, выглядели слишком свежими для времени, отделявшего его от того жеста. Он попробовал вспомнить выражение лица Марко, когда тот получил книгу, и вместо лица увидел мастерскую, ткань на полу, неподвижную руку. Дэниел закрыл том и положил ладонь на обложку. Через несколько секунд Вивиан вернулась и спросила, что он читает.

— Себя, — ответил он. — Врачи, вероятно, запретили бы.

— Ты писатель?

Её удивление было таким непосредственным, что он сначала решил, будто она шутит. Вивиан взяла книгу, посмотрела на фотографию на задней стороне, затем на него и рассмеялась. Сказала, что лицо показалось знакомым, но в самолётах знакомыми кажутся все, кто уже попросил воды хотя бы два раза. Дэниел почувствовал неожиданное облегчение. Она не узнала его до того, как он вошёл в ресторан, не готовила вопрос о любимом герое, не хотела понять, какая часть написанного случилась на самом деле. Ему очень хотелось удержать её именно в этом неведении.

— О чём она? — спросила Вивиан.

— О человеке, который слишком поздно понимает, что потерял.

— Это можно сказать почти о любой книге, которую я дочитала.

Он предложил подарить ей экземпляр, затем вспомнил посвящение и замолчал. Вивиан уже листала первые страницы. Увидела имя Марко, аккуратно закрыла книгу и вернула ему. Не спросила, кто это. Дэниелу стало неловко: он только что мысленно благодарил её за отсутствие вопросов, а теперь молчание показалось слишком внимательным. Пришлось сказать, что это старый знакомый, которому книга когда-то принадлежала. Вивиан кивнула, и он понял, что словом «знакомый» уменьшил Марко до размера, с которым самому удобнее было сидеть в гостиничном холле.

Немного позже принесли чай. Вивиан выбрала для него сорт, название которого он не сумел повторить, и попросила не ждать, что понравится с первого глотка. Он обжёг язык, она рассмеялась, потом показала, как держать чашку, не обхватывая горячую стенку. Он не любил, когда его учили очевидному, однако сейчас задержал пальцы именно так, как она сказала. В её объяснении не было желания получить над ним преимущество; она просто не хотела, чтобы он снова обжёгся. От этой простоты становилось труднее защищаться привычным остроумием.

Они говорили о работе. Вивиан рассказала, что сначала ей нравилось само ощущение движения: аэропорты, названия, вид на облака после тяжёлого взлёта. Потом начала различать собственную усталость, одинаковые коридоры, дни рождения, на которые не попадала. У неё была младшая сестра, племянник, отец, который всякий раз спрашивал, не забыла ли она поесть, хотя отлично знал, что еду в самолёте раздают. Иногда она прилетала домой с единственным желанием никого не слушать; иногда, наоборот, включала телевизор, лишь бы

в квартире был голос. Дэниел поймал себя на том, что внимательно запоминает её расписание, ещё не имея права планировать с его помощью свои дни.

— А ты можешь писать где угодно? — спросила она.

— Теоретически.

— А практически?

— Практически мне нужен стол, хороший кофе и ощущение, что сейчас я наконец начну.

Она сказала, что третье условие выглядит самым дорогим. Он рассмеялся и впервые за этот день подумал о работе без физического отвращения. Вспомнил файл, который когда-то открывал в Дубае, несколько строк о человеке в незнакомом городе. В них ещё не было тайфуна, мокрых полотенец, женщины с чужой и одновременно знакомой татуировкой. Он представил, как описал бы её сейчас, и ощутил короткий стыд: даже рядом с живым человеком уже искал форму, в которой сможет удержать его навсегда.

Через некоторое время в холле появился гитарист из вчерашней группы. Без сцены и света выглядел моложе: выцветшая футболка, короткие волосы, открытый чехол, из которого торчал провод. Он присел возле усилителя, несколько раз тронул струны, поморщился. Из динамика донёсся короткий треск. Дэниел поднял голову. Вивиан заметила, что он прислушивается, и спросила, играет ли сам. Он ответил, что нет, только умеет предъявлять высокие требования к тем, кто умеет. Она рассмеялась и пошла заказать воду.

Мужчина у усилителя продолжал возиться. Провод всё время выскальзывал из руки, маленький пластиковый коробок катился по полу. Дэниел поднял его, протянул. Гитарист поблагодарил по-английски и неожиданно попросил придержать чехол, чтобы не упал на кабель. Пришлось встать рядом, подержать чужую вещь, пока человек занят. Несколько минут не было ни разговора о литературе, ни необходимости производить впечатление. Дэниел слушал негромкие щелчки, смотрел на потёртые края инструмента и чувствовал себя полезным в пределах совершенно ясной задачи.

Вивиан вернулась, поставила воду на стол. Гитарист представился Эриком, спросил, понравилась ли вчера музыка. Дэниел ответил, что понравилась, добавил название одной песни. Эрик улыбнулся, сказал, что они сами решили сыграть её, когда стало понятно: люди будут сидеть в холле ещё долго. Обычного вечера уже не получалось, всем хотелось чего-то знакомого. Вивиан спросила, живёт ли группа здесь же. Эрик покачал головой: часть не смогла уехать, остальные добрались позже, теперь пытаются понять, когда вообще смогут вернуться домой.

— Значит, вы тоже заперты, — сказал Дэниел.

— Только мы ещё обязаны выглядеть бодрыми.

Гитарист произнёс это весело, без жалобы, однако под глазами были тёмные круги. Дэниел вспомнил, как вчера наблюдал за ним с дивана, радуясь неторопливой музыке. Человек в белой рубашке за клавишами, девушка с микрофоном, чужое приятное сопровождение его вечера. Теперь у сопровождения оказались дом, усталость, промокшая одежда и работа, которую всё равно нужно сделать. Ему стало неловко за привычную лёгкость, с которой мир делится на тех, кто переживает историю, и тех, кто помогает ей хорошо выглядеть.

Эрик наконец убрал провод, закрыл чехол и сел рядом на несколько минут. Вивиан спросила, давно ли играет. Оказалось, достаточно давно, чтобы родственники перестали спрашивать, когда найдёт настоящую работу, и начали просить бесплатно выступить на семейных праздниках. Дэниел рассмеялся. Гитарист спросил, чем занимается он. Ответ «пишу книги» прозвучал совсем иначе после этого разговора, без готовой значительности. Эрик кивнул, уточнил, какие. Дэниел назвал несколько названий, не ожидая узнавания, и впервые не почувствовал потери, когда его не произошло.

Появилась певица, Роза. Вчера он запомнил её голос, сегодня — мокрый край джинсов и пакет с едой. Она спросила, всё ли работает, выслушала короткое объяснение, поставила пакет

на стул. Вивиан помогла освободить место. Разговор перешёл к тому, как добирались после ночи, кого не удалось отвезти, у кого дома выключили свет. Дэниел не понимал части фраз, когда они переходили на китайский, однако теперь отсутствие перевода не казалось исключением его из близости. Люди обсуждали вещи, к которым он действительно не имел отношения.

Роза попросила Эрика проверить один переход, он достал гитару и тихо сыграл несколько тактов. Она вступила почти шёпотом, чтобы не тревожить спящих рядом. Мелодия заполнила пространство совсем иначе, чем ночью. Без усиления, с неровным дыханием, с повтором неудавшейся строчки. Дэниел слушал и вспоминал Эвелин, которая однажды напевала себе под нос, занятая чем-то у окна. Он не смог бы назвать песню, но помнил её голос в минуту, когда она не знала, что её слушают. Любовь часто сохраняла именно то, что человек не предназначал для памяти.

Вивиан придвинулась к нему, слегка задела коленом. Не спросила о выражении лица, не потребовала рассказа. Он был благодарен за это, но уже замечал, как быстро благодарность превращается в желание, чтобы она всегда умела угадывать. Одно удачное молчание — и он готов сделать из женщины человека, которому больше не нужно объяснять. Дэниел посмотрел на неё и сказал, что вспомнил голос Эвелин. Вивиан кивнула, коснулась его пальцев. Ей не пришлось угадывать, и от этой маленькой разницы почему-то стало легче обоим.

Роза закончила, смущённо улыбнулась, будто случайно сделала слишком много для людей вокруг. Дэниел похлопал негромко. Несколько человек на соседних диванах тоже подняли головы, кто-то поблагодарил. Певица покачала рукой, сказала, что вечером будет громче, и села есть. Удивительно было видеть, как из нескольких неточных тактов возникает связь между людьми, не знающими имён друг друга. Дэниел привык получать похожее в залах, где приходили именно к нему. Здесь никто никого заранее не выбирал.

Эрик спросил, можно ли когда-нибудь прочитать его книгу по-английски. Дэниел назвал сайт издателя, потом предложил прислать. Гитарист достал телефон, они обменялись контактами. Никакого обещания великой дружбы, только файл, который действительно можно отправить. Дэниел открыл почту, нашёл разрешённую электронную копию, переслал. Эрик поблагодарил и сразу предупредил, что читает медленно, обычно по несколько страниц после работы. Дэниел сказал, что это вполне подходящий темп. Вспомнил Марко и почувствовал, как слово «прочитать» снова обрело чужое время, которое он раньше почти не считал.

Когда музыканты ушли, Вивиан спросила, зачем он при разговоре с новыми людьми иногда становится чуть другим. Дэниел улыбнулся: это, вероятно, называется общительностью. Она не спорила, только заметила, что несколько минут назад голос стал ниже, паузы длиннее, будто он уже слышит будущий пересказ. Он хотел ответить шуткой и остановился. Слишком точным было наблюдение для женщины, знакомой с ним меньше суток. Сказал, что привык говорить так, чтобы хотелось слушать. Вивиан задумалась, потом спросила, не устаёт ли от этого сам.

Он не знал, что ответить. Усталость обычно связывал с вниманием окружающих, с вопросами, с необходимостью соответствовать. Гораздо реже признавал, сколько усилий сам вкладывает в поддержание образа. Рядом с Вивиан хотелось снять его, но и снятый образ легко мог стать новым: мужчина без защиты, наконец открывшийся нужной женщине. Дэниел посмотрел на собственные руки, лежавшие на книге, и признался, что иногда не понимает, в какой момент начинает играть. Она сказала, что это похоже на профессиональную привычку, и не сделала из признания ни диагноза, ни особой близости.

— А у тебя? — спросил он. — Улыбка в самолёте.

Вивиан рассмеялась. Иногда появляется сама, иногда нужна как часть работы. Люди устают, боятся, хотят получить больше, чем возможно, и ей не обязательно всякий раз предъявлять им собственное настроение. Но после рейса хочется побыть человеком, который может смотреть в окно молча и не выглядеть при этом грубым. Дэниел подумал о том, как вчера искал

именно её улыбку, не спрашивая, сколько часов она уже держится на лице. Ему казалось, что заметил женщину. На деле сначала заметил удобство рядом с ней.

Она встала, потянулась, взяла две пустые чашки и отнесла к стойке, хотя официантка уже шла за ними. Вернулась, села, спросила, не хочет ли он что-нибудь съесть до обеда. Дэниел сказал, что может подождать. Вивиан достала из сумки маленькую упаковку печенья, открыла и положила между ними. Упаковка оказалась упрямой, пришлось тянуть с двух сторон. Они рассыпали несколько крошек, засмеялись, принялись собирать. Минута была совсем не похожа на начало большой истории, и именно поэтому ему захотелось её запомнить.

Дождь на какое-то время стал тише. Вивиан сказала, что дома после такой погоды отец обязательно выйдет проверить каждый предмет на балконе, даже тот, который не мог сдвинуться. Дэниел спросил, не от него ли у неё привычка всё перепроверять. Она пожала плечами: возможно, от него, возможно, от работы, возможно, ей просто нравится знать, где лежат вещи. Потом посмотрела на книгу и добавила, что не всё в человеке обязано иметь одну понятную причину. Он улыбнулся, чувствуя, как его вежливо отводят от очередной попытки объяснить её раньше, чем успел узнать.

Когда из соседней части холла донёсся детский голос, Вивиан повернула голову. Дэниел ещё некоторое время смотрел на оставшиеся крошки, на открытую книгу, на её сумку у ноги. После разговора с музыкантами гостиница перестала быть местом, где только ждут. Здесь продолжались чужие дни, каждый со своей работой, тревогой, надеждой добраться домой. Его собственная история занимала в этом пространстве один диван, несколько чашек и женщину рядом, которую следовало спрашивать о ней самой, пока ещё была возможность услышать ответ.

Около полудня в холле заплакал ребёнок. Не капризно, не громко для привлечения внимания, а с той нарастающей растерянностью, от которой взрослые сначала оборачиваются, затем начинают искать глазами другого взрослого. Мальчик стоял у колонны, сжимая в руке маленькую машинку, и повторял одно и то же слово. Вивиан подняла голову первой. Дэниел ещё смотрел на телефон, когда она уже встала и пошла к нему. Он последовал, не совсем понимая, чем сможет помочь.

Вивиан присела перед мальчиком, что-то спросила. Тот мотнул головой, заплакал сильнее, потом показал в сторону коридора. Дэниел машинально посмотрел туда, готовый немедленно идти и искать, однако она подняла ладонь: лучше остаться на месте. Сотрудница гостиницы подошла почти одновременно, выслушала, заговорила по рации. Всё происходило без большого распоряжения, несколько людей делали разные простые вещи. Дэниел почувствовал себя лишним и от этого захотел предложить действие настойчивее.

— Может, пройду по этажу? — спросил он.

Вивиан покачала головой: персонал уже проверяет, а ребёнку спокойнее, если рядом не становится слишком много незнакомых людей. Она сказала это тихо, не отстраняя его специально, но он всё равно ощутил укол. В критическую минуту его участие оказалось не главным. Дэниел отошёл на шаг, увидел, что мальчик трёт лицо грязной ладонью, принёс салфетки. На этот раз помощь действительно понадобилась. Вивиан поблагодарила, не превращая в похвалу, и продолжила разговаривать с ребёнком.

Мальчик постепенно успокоился. Назвал имя, рассказал что-то длинное, запутанное, с повторениями. Вивиан слушала, не заканчивая за него, иногда кивала. Дэниел различал только отдельные интонации, однако видел, как меняется дыхание: судорожные вдохи становились реже, плечи опускались. Ему хотелось спросить, что случилось, получить ясный пересказ, но она была занята тем, кто говорил. Он впервые заметил, сколько терпения требует слушать историю, которая не предназначена для тебя и не собирается быстро прийти к нужной точке.

Мать нашлась через несколько минут, хотя время показалось гораздо длиннее. Вбежала из бокового прохода, увидела мальчика, схватила на руки, заговорила быстро, испуганно, сер-

дито. Ребёнок снова заплакал. Дэниел почувствовал раздражение: только успокоили, зачем же теперь кричать. Вивиан встала, сказала женщине несколько слов, сотрудница гостиницы добавила что-то ещё. Голос матери стал тише. Она прижала мальчика крепче, благодарила всех сразу и почти не видела людей, которым благодарила.

Когда они ушли, Дэниел спросил, что произошло. Вивиан объяснила: мальчик пошёл за человеком в похожей куртке, решил, что это отец, потом потерял из виду и не смог вернуться к матери. Всё очень просто, сказала она, и от этой простоты Дэниелу стало не по себе. Целая паника выросла из уверенного узнавания, оказавшегося ошибкой. Он посмотрел на тёмный край её волос, вспомнил вчерашний столик. Вивиан заметила взгляд и спросила, о чём он. Он ответил, что мальчик, наверное, долго теперь будет держаться за маму.

— А потом снова убежит, — сказала она. — У них это обычно проходит быстрее, чем у родителей.

Вернулись к дивану. Книга лежала там, где он её оставил, чашки остыли, рядом кто-то занял ещё одно место. Ничего не изменилось, кроме короткого присутствия чужого страха. Дэниел попросил рассказать, как она научилась так разговаривать. Вивиан пожала плечами: работа, сестра, племянник, обычная жизнь. Не всегда получается, иногда человек не хочет слушать, иногда она сама слишком устала. Он сказал, что выглядит просто. Она усмехнулась и попросила не назначать её специалистом по любому человеку в состоянии паники.

Ему стало неловко. Он уже почти начал мысленно делать именно это: женщина умеет успокаивать ребёнка, значит, сможет справиться и с ним, с его бессонницей, с тем, что он пока не назвал. Вивиан ничего такого не предлагала. Сидела, снимала с пальца маленький кусочек бумажной салфетки, спрашивала, не хочет ли он ещё чаю. Дэниел кивнул, потом добавил, что сам закажет. Ей не требовалось обслуживать его и вне самолёта. Она посмотрела с улыбкой, будто заметила эту запоздалую мысль.

Пока ждали чай, к ним подошла женщина из экипажа. Вивиан представила Мэй, они обменялись несколькими фразами о сообщениях, времени, необходимости отдыхать. Дэниел слушал, не вмешиваясь. Мэй смотрела на него с вежливым любопытством, ничего не спрашивала о книге, хотя лежавший на столе том был повернут обложкой к ней. Дэниел понял, насколько привык ожидать узнавания, и испытал почти детское удовольствие от его отсутствия. Здесь пока можно было быть просто мужчиной, с которым Вивиан пьёт чай.

Мэй ушла, предварительно забрав у неё маленький переходник для зарядки. Вивиан заметила, что потом обязательно забудет его вернуть, потому что все такие вещи в экипаже постепенно становятся общественными. Дэниел предложил купить новый. Она ответила, что можно и потребовать старый, иногда это даже полезнее. Он рассмеялся. Чужие маленькие долги, забытые предметы, привычные упрёки существовали в мире, где люди рассчитывали увидеть друг друга снова. Ему хотелось как можно скорее стать частью этого мира, не проходя времени, которое делает его возможным.

Он спросил, часто ли бывает такая остановка из-за погоды. Вивиан сказала, что подобные дни запоминаются сильнее обычных, но в основном работа состоит из гораздо менее эффектных вещей. Дэниел признался, что раньше замечал экипаж главным образом тогда, когда чего-нибудь хотелось. Она посмотрела на него, потом рассмеялась: многие замечают только тогда, когда желаемое не происходит достаточно быстро. Он почувствовал, что речь и о его вчерашнем водителе, и о девушке, которая не смогла найти трансфер, хотя Вивиан не знала подробностей его раздражения.

За окном дождь снова усилился. В холле стало прохладнее, кто-то попросил закрыть одну из наружных дверей. Сотрудник принёс дополнительные полотенца, поставил корзину возле прохода. Дэниел подошёл, взял два, помог отнести к месту, где вода собиралась быстрее. Никто не превратил это в событие. Вернулся к столу с влажными ладонями, увидел, что Вивиан сидит

с закрытыми глазами, и впервые по-настоящему заметил её усталость. Не красивую тень под глазами, а необходимость лечь и перестать быть внимательной хотя бы на час.

Ему захотелось сказать, что может отдохнуть у него, что будет тихо, что не станет трогать. Но за обещанием уже стояло желание иметь её рядом даже спящей, сделать чужой отдых частью собственного покоя. Он пока ничего не сказал. Вивиан открыла глаза, улыбнулась немного извиняясь и спросила, не возражает ли он, если продолжат разговор вечером. Дэниел ответил, что не возражает. Голос прозвучал ровно. Усилие, необходимое для этой ровности, она не должна была брать на себя.

После обеда Вивиан сказала, что ей нужно поспать. Вчерашний перелёт, ожидание в аэропорту и ночь дали о себе знать, веки стали тяжёлыми, улыбка появлялась с небольшим запозданием. Дэниел предложил вернуться к нему, уверяя, что не будет мешать. Она покачала головой: в её номере лежали рабочие вещи, нужно было проверить сообщения и переставить будильник. Он хотел ответить, что всё это можно сделать и у него, но услышал собственную настойчивость раньше, чем успел произнести слова.

— Увидимся вечером? — спросил он.

— Если нас не заберут. Я напишу.

Он проводил её до поворота галереи. Ветер стал теплее, дождь на минуту превратился в мелкую взвесь, однако море по-прежнему грохотало за деревьями. Возле двери пожилая женщина пыталась поднять тяжёлый чемодан через полосу мокрых полотенец. Вивиан остановилась, спросила что-то по-китайски и взяла ручку с другой стороны. Дэниел помог, перенёс чемодан внутрь. Женщина долго благодарила, поглядывая на него с таким вниманием, словно он наконец оправдал стоимость своей рубашки. Вивиан улыбнулась ему через плечо, и от этого маленького общего дела осталось больше тепла, чем от нескольких продуманных комплиментов.

Вернувшись в свой номер, он ещё некоторое время слышал её голос. Открывал шкаф, переставлял стакан, вытирал случайную каплю на столе — и всё ожидал, что она продолжит начатую фразу. В постели остался слабый запах её волос. Он сел на край, провёл ладонью по покрывалу и вдруг с пугающей ясностью понял, что хочет отправиться следом. Постучать под каким-нибудь предлогом, принести книгу, спросить зарядное устройство, сделать её сон частью своего присутствия. Желание было настолько знакомым, что он замер. Ещё вчера женщина в самолёте не имела для него имени, а теперь закрытая дверь несколькими поворотами дальше уже казалась действием против него.

Эвелин однажды тоже попросила оставить её на час. Он помнил тот день в Лондоне: у неё болела голова, за окном шёл мелкий дождь, на столе лежали распечатки. Дэниел сначала сказал, что, конечно, понимает, потом трижды вошёл в комнату — с водой, с вопросом о таблетке, с раздражением, которое старался выдать за заботу. Позже они помирились. Она прижалась лбом к его плечу, он держал её за затылок и чувствовал, как отступает бессмысленная обида. Теперь вспоминал главным образом это прикосновение, хотя именно час, которого не сумел ей дать, тоже принадлежал их любви.

Он лёг поверх одеяла и попытался уснуть. За стеклом шевелились ветви, тени ложились на штору неровными полосами. Память вернула Стамбул: Эвелин лежит на боку, сонно поворачивает к нему голову, говорит, что в следующий раз они выберут знак и для него. Он тогда рассмеялся, не веря в следующее утро, и обнял её сильнее. Следующих утр оказалось несколько, потом ещё, целая жизнь в маленьких повторениях; она так и не выбрала ему знак. Дэниел прижал ладонь к собственному плечу, словно там могло сохраниться место, к которому она когда-нибудь прикоснётся.

Проснулся он от глухого удара. Несколько секунд не понимал, где находится; сердце билось с такой силой, что шум дождя казался отдалённым. Затем заметил на полу упавшую пластиковую крышку: ветер приоткрыл неплотно закрытую дверь балкона, штора задела сто-

лик. Он поднялся, проверил замок, поднял крышку и почему-то понёс её в ванную. Только там понял, что она от стакана с водой. Постоял перед раковиной, вернулся и поставил стакан на место с преувеличенной осторожностью.

На телефоне было два пропущенных звонка. Код Эмиратов, знакомый служебный номер управляющего зданием. Сообщение начиналось обращением, которое обычно предшествовало извещению о техобслуживании или просьбе подтвердить доступ в квартиру. Дэниел увидел своё имя, слова «срочно связаться» и почувствовал, как вся гостиничная комната медленно уходит из-под ног. Он не открыл сообщение целиком. Поставил телефон на стол, отошёл к окну, вернулся. В верхней строке появилось уведомление от Вивиан: она проснулась и спрашивала, не хочет ли он поужинать немного позже.

Он ответил ей сразу, слишком быстро, словно скорость могла определить, какой из двух разговоров станет настоящим. Написал, что будет рад, добавил время, стёр ласковое обращение, которого ещё ни разу не произносил вслух. Затем снова посмотрел на номер из Дубая. За окном море продолжало шуметь, невидимое в начинавшейся темноте. Дэниел поднял телефон, прижал к уху и дождался первого длинного гудка, уже понимая, что человек на другом конце знает, в какую именно комнату ему больше нельзя возвращаться.

Глава 4

Управляющий говорил тише обычного. Дэниел помнил его обстоятельным человеком, способным десять минут объяснять порядок замены неисправного считывателя, однако сейчас тот произносил короткие фразы и после каждой делал паузу. В квартиру входили сотрудники здания вместе с людьми, которым понадобился доступ. Обнаружена женщина. Прибывшие медики констатировали смерть. С полицией необходимо связаться, номер передадут сообщением. Управляющий не назвал Лейлу по имени, и именно это оказалось самым страшным: человек, с которым Дэниел провёл недели, который знал, как она смеётся и как переставляет чашку у раковины, теперь осторожно говорил «женщина».

— Кто вызвал? — спросил Дэниел.

— Нас попросили проверить квартиру. Её не могли найти. Я не знаю всех подробностей, мистер Кроу.

Он знал достаточно. На секунду Дэниел представил чужой ключ, открывающуюся дверь, свет, падающий на пол. Его там уже не было. Вещи оставались: стакан на столе, куртка, которую она обыскивала, листок, оставленный возле книги. Никакой новой сцены не требовалось, чтобы понять, что увидели вошедшие. Он сделал это сам и потом несколько часов лежал рядом, удерживая её спиной к себе, будто поза могла сохранить что-нибудь ещё.

Управляющий спросил, где он находится. Дэниел ответил, что в Китае, на запасном аэродроме из-за тайфуна, затем уточнил город и отель. Говорил спокойно, даже раздражённо: словно объяснял задержку рейса человеку, не имеющему отношения к перевозке. После разговора записал на гостиничном блокноте номер, хотя тот уже пришёл в телефон. Цифры получились ровными, узнаваемыми. Он смотрел на них и не мог понять, почему рука продолжает выполнять простые задачи так хорошо.

Контакт независимого адвоката нашёлся в переписке с бухгалтером. Майя Рахман когда-то помогала одному из его деловых знакомых, фамилия сопровождалась сухой рекомендацией: внимательно слушает, не обещает невозможного. Сейчас это казалось единственным приемлемым достоинством. Дэниел написал ей, указал имя, местонахождение и то, что в его дубайской квартире обнаружили погибшую. Несколько минут телефон лежал без ответа, потом пришло предложение созвониться. Он принял вызов, стоя у закрытой балконной двери, за которой вода мелко дрожала на тёмном стекле.

Майя не стала начинать с утешений. Спросила, кем ему приходилась погибшая, когда он видел её в последний раз, кто ещё имел доступ, обращалась ли уже полиция лично. Дэниел отвечал и чувствовал, как образуются две истории. В одной были даты, поездка, квартира, отношения, недавние неприятности с поддельными картинами. В другой — пол, её дыхание, его руки. Майя слышала первую и время от времени задавала вопрос, от которого сквозь неё начинала проступать вторая.

— Она была жива, когда вы ушли? — спросила адвокат.

Он посмотрел на собственное отражение в стекле. Свет настольной лампы делал лицо плоским, почти незнакомым. Можно было сказать «да» и получить ещё немного времени. Слово уже лежало на языке, готовое, привычное. Дэниел разжал губы, но вместо ответа спросил, может ли она сначала выяснить, что официально известно.

— Могу, — сказала Майя после паузы. — Но этот вопрос всё равно останется. Нам понадобится отдельный разговор. И, пожалуйста, больше не отвечайте о произошедшем людям, которые звонят просто уточнить детали. Сначала разберёмся, кто обращается и в каком качестве.

Он согласился. Не услышал в этом спасения, только порядок, внутри которого всё ещё можно было сделать следующее действие. Майя объяснила, какие сведения и документы ей

нужны для начала работы; не называла сроков и не говорила, что нахождение за пределами страны решает его проблему. Когда разговор закончился, Дэниел открыл почту, переслал необходимое и долго сидел перед пустой строкой нового сообщения. Впервые за несколько суток ему не хотелось никуда лететь. Любой новый город уже содержал бы эту переписку.

Вивиан постучала около семи. Он забыл, что они договорились встретиться у лифта, и она пришла проверить, не уснул ли он снова. На ней была та же тёмная рубашка, волосы высохли, у виска лежала тонкая прядь. Дэниел смотрел на неё так, словно она стояла по другую сторону стекла. Она перестала улыбаться, спросила, всё ли в порядке, и он, почти не сознавая движения, обнял её. Прижал к себе, уткнулся лицом в волосы и услышал, как испуганно изменилось её дыхание.

— Дэниел, что случилось?

Он отпустил её не сразу. Сказал, что ему сообщили о смерти близкого человека. Женщины, с которой жил в Дубае. Вивиан замерла, затем медленно провела ладонью по его спине. Он ощущал её сочувствие физически, как тёплую ткань, которую набрасывают на дрожащего человека. Ему хватало одного слова, чтобы разорвать эту ткань. Он не произнёс его.

Вивиан усадила его в кресло, принесла воду, спросила, не нужно ли кому-нибудь позвонить. Он покачал головой. Сказал, что уже связался с адвокатом, и увидел в её взгляде короткое недоумение. Объяснил: смерть в его квартире, возникли вопросы, он оказался далеко. Формально каждое слово было правдой. Внутри этой точности он чувствовал себя отстранённым, чем если бы просто солгал. Вивиан села на край кровати, не пытаясь заполнить молчание, и от отсутствия требований стало ещё труднее говорить.

— Её звали Лейла, — сказал он наконец.

Вивиан кивнула. Ему показалось, что она заметила разницу между именем, произнесённым утром, и этим новым именем. Эвелин, Лейла, две смерти за один гостиничный день, о которых он сообщал так, словно выбирал, какой чемодан открыть первым. Он начал рассказывать о Дубае: как встретил Лейлу, как жил рядом, как после тяжёлых недель пытался понять, можно ли начать сначала. Не упомянул пол. Не упомянул её остывающую кожу. Говорил о любви, и даже теперь в рассказе была любовь, от чего хотелось ударить себя по лицу.

— Ты узнал, что произошло? — спросила Вивиан.

— Ещё нет всего, — ответил он.

Она медленно выдохнула. Дэниел видел, как ей хочется задать следующий вопрос и как она решает оставить его на потом. Накануне он радовался её умению не тянуть из человека признания. Теперь использовал это умение. От этой мысли пришла такая усталость, что он опустил голову, упёрся локтями в колени и закрыл глаза. Вивиан положила ладонь между его лопаток. Он не плакал. Слёзы остались в квартире, вместе с Лейлой; здесь пока находились только мышцы, которые не знали, как держать спину.

Через некоторое время Вивиан предложила выйти из номера хотя бы ненадолго. Не на улицу, просто в холл, где можно сесть среди людей и не смотреть всё время на один и тот же стол. Дэниел сначала отказался, потом встал. Тело как будто ждало распоряжения. Он надел обувь, долго искал ключ-карту, лежавшую перед глазами, и почувствовал раздражение, когда она показала. Сразу извинился. Вивиан сказала, что всё нормально, но он видел: не всё, просто ей сейчас не хотелось добавлять к случившемуся ещё и его неловкость.

В галерее пахло мокрым камнем. Вода уже не шла сплошной полосой, однако на плитке оставались тёмные лужицы, у стены стояло ведро. Вивиан осторожно обошла его, взяла Дэниела за руку. Он сжал пальцы слишком сильно, заметил, ослабил. Она ничего не сказала. Несколько метров прошли молча, затем из-за поворота вышла семья с двумя детьми. Младший тащил подушку, старшая пыталась у него отнять, родители спорили, куда теперь идти. Дэниел прижался к стене, пропуская, и на секунду почувствовал острое желание оказаться одним из них: человеком, чья самая большая забота сейчас помещается в испачканную наволочку.

В холле почти не осталось свободных диванов. На одном сидела женщина, наклонившись над телефоном; рядом лежала сумка, занимавшая место. Вивиан спросила, можно ли сесть, и женщина сразу убрала вещи. Дэниел опустился на край, положил ладони на колени. Перед ним шла обычная гостиничная жизнь: спорили о выезде, искали зарядку, переносили багаж, отдавали счета. Он воспринимал движение так, будто смотрел фильм на языке, который недавно знал, а теперь начал забывать.

Вивиан заказала воду и спросила, нужно ли ему связаться с кем-то из близких. Дэниел хотел ответить, что уже со всеми поговорил, но это было слишком явной ложью. Ни с кем, кроме управляющего и адвоката, он не говорил. Сказал, что пока не знает, кому. Вивиан посмотрела без удивления. Не стала перечислять друзей, родственников, людей, которые должны быть у взрослого мужчины. Просто спросила, есть ли человек, которому он может сказать хотя бы часть, не подбирая каждое слово.

Он подумал об издателе. О людях, которых видел за ужином, на встречах, в поездках. Обменивались сообщениями, шутками, новостями, иногда очень личными историями, удобными именно тем, что не требовали продолжения. Если бы сейчас позвонил, ответили бы, посочувствовали, предложили помощь. Но он не мог представить, с какой фразы начать, не создавая сразу ту версию, которую потом придётся поддерживать. Единственным человеком, способным спросить прямо, пока оставалась Майя. Даже ей он ещё не ответил на главный вопрос.

— Есть те, кто возьмёт трубку, — сказал он. — Не уверен, что сумею говорить.

Вивиан кивнула. Рассказала, как после смерти матери долго не могла отвечать на звонки знакомых. Каждый раз нужно было повторить несколько слов, услышать сочувствие, почувствовать, что разговор завершён, а день остался тем же. Иногда проще было говорить с человеком, которому не надо объяснять отношения целиком. Дэниел слушал с таким чувством, будто у него перед глазами медленно открывают дверь, за которой можно спрятаться. Она предлагала понимание настоящего горя. Он действительно горевал и одновременно знал, что часть этого горя создана им самим. Принять заботу было легко, выдержать её основание — почти невозможно.

Воду принесли в высоких стаканах. Дэниел взял свой, почувствовал холод и вдруг очень ясно вспомнил другую воду, в дубайской раковине. Как долго мыл руки, как смотрел на струю, как кожа под пальцами казалась чужой. Он поставил стакан обратно, не выпив. Вивиан заметила, спросила, не тошнит ли. Он сказал, что немного. Она предложила что-нибудь тёплое. Дэниел кивнул, благодарный за возможность заняться температурой напитка, а не тем, почему холодный стакан заставил его побледнеть.

Рядом женщина закончила звонок и тихо заплакала. Сначала Дэниел решил, что услышал вздох, потом увидел, как она сжимает телефон и смотрит в пустое пространство перед собой. Вивиан протянула салфетки. Женщина поблагодарила, объяснила несколько слов по-китайски, покачала головой, снова посмотрела на экран. Ничего больше от них не требовалось. Вивиан вернулась на место, не сообщая Дэниелу содержание чужого разговора, и он не спросил. Впервые молчание о чужом показалось формой уважения, а не отказом впустить его в происходящее.

Через несколько минут женщина ушла. На её месте осталась одна салфетка, свёрнутая в маленький плотный комочек. Дэниел смотрел на него и пытался понять, сколько чужих бед каждый день остаётся на гостиничных столиках вместе с чашками и счетами. Потом рассердился на себя за готовую писательскую фразу. Опять превращал живого человека, которого не выслушал, в красивое обобщение. Вивиан спросила, не хочет ли вернуться. Он сказал, что ещё немного посидит, и подвинул стакан, чтобы не смотреть на салфетку.

У него зазвонил телефон. Бухгалтер, с которым нужно было согласовать обычный платёж. Дэниел увидел имя, почувствовал раздражение: как можно говорить о деньгах сейчас.

Сразу понял, что человек не знает ничего о его «сейчас». Ответил. Слушал уточнение по счёту, сказал, что вернётся к вопросу завтра, слишком резко попросил не беспокоить вечером. На другом конце извинились. После звонка ему стало стыдно, но звонить обратно ради собственного облегчения не хотелось. Написал коротко, что тяжёлый день, благодарен за напоминание, ответит в назначенное время.

Вивиан не комментировала. Он сам сказал, что сорвался. Она ответила, что услышала. В её спокойствии вдруг оказалось слишком мало утешения. Дэниел хотел, чтобы она сказала: после такого все срываются, ничего страшного, он имеет право. Вместо этого она просто сидела рядом, оставляя ему возможность признать неприятный поступок без немедленного оправдания. Он почувствовал обиду и почти сразу распознал её. Женщина не должна была каждый раз превращать его резкость в доказательство того, сколько боли он пережил.

— Ты, наверное, думаешь, что я ужасный человек, — сказал он.

Вивиан посмотрела внимательно. Сказала, что видит человека, которому плохо, и не собирается сейчас решать за него всё остальное. Дэниел опустил голову. Фраза была мягкой и одновременно оставляла открытым именно то, что он надеялся закрыть её сочувствием. Ему хотелось немедленно рассказать больше, чтобы заслужить право услышать хорошее, и немедленно замолчать, чтобы не потерять то, что уже получил. Оба желания происходили из одного места. Он устал от себя так сильно, что несколько секунд просто смотрел на свои ладони.

Вивиан коснулась его плеча. Спросила, не нужно ли связаться с адвокатом ещё раз, если после разговора осталось слишком много тревоги. Он сказал, что они договорились на завтра. Она кивнула, потом рассказала, что сама в тяжёлые дни старается сделать хотя бы одну обычную вещь до конца. Поест, собрать сумку, помыть голову, перестать откладывать каждое движение, пока не появятся силы на всю жизнь. Дэниел усмехнулся: звучало неприлично просто. Вивиан ответила, что простое иногда и так трудно, особенно когда человек требует от себя ещё и красиво страдать.

Он рассмеялся коротко, почти болезненно. Эта фраза попала точнее, чем она могла знать. Сидел в дорогом холле, рядом была внимательная женщина, где-то существовали документы, ответы, люди, которым теперь придётся входить в его квартиру. А он всё ещё замечал, как выглядит собственная боль. Не потому, что боль ненастоящая. Потому, что так привык обращаться со всем настоящим: сначала находить форму, в которой это можно выдержать самому и показать другому. Лейла уже не могла возразить против формы, которую он выберет для неё.

Он сказал, что хочет вернуться. Вивиан поднялась, не предлагая ещё посидеть. По дороге прошли мимо барной стойки, где вчера открывали Chandon. Дэниел увидел тот же угол, край дивана, место у колонны. Несколько часов назад думал, что можно начать другую жизнь с бутылки вина и нового голоса. Сейчас место было занято другими людьми, и это почему-то помогло. Их вечер не оставил на мебели следа, который обязывал бы мир продолжать его в прежнем значении.

У двери Вивиан попросила ключ, потому что он никак не мог попасть картой к считывателю. Открыла, вернула ему, прошла внутрь. Дэниел остановился на пороге, посмотрел на кровать, кресло, воду на столе. Комната ждала его точно такой же, какой оставил. Он не знал, хочет ли, чтобы Вивиан ушла, или боится именно этого. Она спросила, поест ли что-нибудь, если закажет. Он ответил «да», и впервые за вечер согласие касалось не всей его жизни, а только следующего небольшого действия.

Ужин принесли в номер. Вивиан заказала что-то простое, горячий бульон и рис, спросила, можно ли поставить поднос у стола. Дэниел ел, почти не чувствуя вкуса. Время от времени она рассказывала о чём-нибудь незначительном: о старом гостиничном телевизоре, который однажды включался только на полной громкости, о коллеге, всегда возившей собственную наволочку. Ничего не требовало ответа. Он понимал, зачем она говорит, и от этого забота становилась почти невыносимой. Если бы она начала упрекать его за вчерашнюю ночь, за другой

недавний роман, за то, что не сказал сразу, он мог бы защищаться. Против бульона и тихого голоса защиты не было.

Позже, когда посуду убрали, Вивиан спросила, хочет ли он остаться один. Дэниел поднял голову слишком резко. Она увидела движение и добавила, что может посидеть ещё, если ему легче. Он попросил её остаться, затем испугался, насколько просьба похожа на требование, и сказал, что понимает, если ей нужно уйти. Вивиан присела рядом, взяла его руку и некоторое время рассматривала костяшки, словно там можно было найти ответ, о котором он молчал.

— Я останусь ещё немного, — сказала она. — Потом мне нужно к себе. Мы всё ещё можем получить вызов, и я должна быть готова.

Он кивнул. Она говорила о работе, которую нельзя отменить чужой болью, и впервые за день это ограничение прозвучало успокаивающе. Мир продолжал иметь края. Были люди, которые прилетят в Гонконг, когда ветер позволит; были формы, сумки, часы отдыха; был завтрак, который подадут независимо от того, сможет ли он его проглотить. Дэниел сидел рядом с Вивиан и думал, что привык считать любовь пространством, где края исчезают. Сейчас ему очень хотелось, чтобы хотя бы один сохранился.

Она ушла ближе к десяти. У двери поцеловала его в щёку, не спрашивая продолжения, и сказала написать, если не сможет уснуть. Дэниел долго держал телефон в ладони, составляя благодарность. Получилась фраза, которую он удалил сразу: «Ты меня спасла». Слишком много было вложено в это «ты», слишком удобно звучало слово, снимающее с него обязанность назвать то, от чего он ищет спасения. Он написал просто: «Спасибо, что пришла». Затем вернулся к переписке с Майей и открыл её последний вопрос. Адвокат просила назначить время для разговора, в котором он наконец ответит, когда видел Лейлу живой.

Глава 5

На следующее утро море впервые появилось целиком. Оно лежало за садом широкой серой полосой, ещё беспокойное, с белыми разрывами на волнах, но уже отделённое от неба тонкой линией горизонта. Дэниел стоял у закрытой двери балкона и смотрел, как сотрудники убирают дорожку. Вчера ветви казались частью самого шторма, сегодня оказались мусором, который можно собрать, связать и вывезти. Эта перемена раздражала его своей простотой. Он плохо спал, несколько раз брал телефон, однажды уже набрал номер Вивиан и остановился, увидев время. Теперь ждал её сообщения с тем вниманием, с каким раньше следил за курсом валют в день крупной сделки.

Она написала после девяти. Появилась предварительная информация: движение восстанавливается, пассажиров будут уведомлять отдельно, экипаж ждёт окончательных распоряжений. Вивиан просила не спешить в аэропорт, пока нет подтверждения. Дэниел поблагодарил и перечитал сообщение. В нём не было ни вчерашней нежности, ни дистанции; обычная полезная информация от человека, который знает чуть больше. Он заставил себя не искать смысл в отсутствии обращения и пошёл завтракать один.

Ресторан менялся вместе с погодой. Люди уже не сидели над чашками бесконечно: проверяли телефоны, пересчитывали чемоданы, звали детей по именам. У окна мужчина громко обсуждал деловую встречу, которую всё-таки успевал провести; женщина складывала в контейнер кусочки фруктов для ребёнка. Дэниел заказал кофе и горячую еду, хотя аппетита не было. Открыл новости, закрыл, не дочитав первой строки. В переписке с Майей оставалось назначенное время разговора, и каждая минута завтрака подводила к нему с деловой неотвратимостью.

Они созвонились, когда он вернулся в номер. Майя сообщила, что связалась с нужными людьми и выясняет порядок дальнейшего взаимодействия. Подтвердила: погибшая — Лейла, квартира осмотрена, к нему есть вопросы. Никаких выводов о причинах смерти по телефону она передавать не стала. Дэниел почувствовал благодарность за эту сдержанность и тут же понял, что благодарен за отсутствие слов, которые ему давно известны. Адвокат спросила, готов ли он подробно описать последнюю ночь. Он ответил, что готов, и начал с того, как проснулся от шороха.

Говорить оказалось физически трудно. Фразы всё время хотели отступить к предательству, к украденному ножу, к картинам, к Локвуду, к неделям унижения. Майя один раз остановила его и попросила вернуться к тому моменту, о котором спрашивала. Он рассказал, как увидел Лейлу возле куртки, как понял, что она ищет старую запись, как подошёл. Потом замолчал. В трубке не было ни удивлённого вдоха, ни подсказки. Адвокат ждала, и молчание медленно стало местом, которое нельзя было заполнить чужой репликой.

— Я её убил, — сказал он.

За окном проехала тележка, звякнули бутылки. Дэниел услышал этот звук с поразительной ясностью. Майя задала следующий вопрос ровно, без прежней деловой мягкости; ему пришлось описать достаточно, чтобы она поняла, о чём речь. Он не рассказал про слёзы сразу. На секунду захотелось удержать их как свидетельство чего-то хорошего, что ещё в нём осталось. Затем услышал собственное молчание и добавил, что несколько часов лежал рядом с телом. Адвокат не сказала, что это делает его лучше или хуже. Спросила о времени отъезда.

Разговор занял больше часа. Когда он закончился, Дэниел сидел в кресле, не выпуская телефона. Майя не обещала удобной развязки. Договорились, что она будет действовать в установленном порядке, уточнит дальнейшие шаги, а он останется на связи и не начнёт отвечать на официальные вопросы самостоятельно. Она отдельно попросила не путать её работу с возможностью отменить сказанное. Он сказал, что понимает. Не знал, понимает ли на самом деле, но

впервые за эти дни у него был собеседник, которому не требовалось восстанавливать последнюю часть истории по обрывкам.

Подтверждение вылета пришло после полудня. Прежнее бронирование обновили, пассажиров попросили прибыть к указанному времени; гостиница начала заказывать машины сразу нескольким гостям. Дэниел собрал вещи за десять минут. В сумке почти нечего было раскладывать: одежда, книга, зарядное устройство, документы. Увидел белую гостиничную карточку с номером и понял, что хочет оставить её, хотя в ней не было никакой ценности. Сунул в карман, потом вынул и положил возле телефона на тумбочке. Комната не должна была превращаться в очередной футляр, из которого он увозит доказательство краткой близости.

Вивиан встретила его в холле уже в форме. Волосы были убраны, движения снова стали собранными, на плече висела рабочая сумка. Рядом ждали коллеги. Дэниел остановился чуть в стороне, не зная, какой жест допустим среди людей, для которых он снова пассажир. Она сама подошла, спросила, получил ли подтверждение, и на секунду коснулась его руки ниже локтя. От этого маленького прикосновения у него болезненно сжалось горло. Ему хотелось вернуть женщину из утренней постели, с резинкой на запястье, и одновременно нравилось видеть эту другую её часть, которая существовала без его участия.

— Как ты? — спросила она тише.

— Держусь.

— Ты поел?

Он улыбнулся, вспомнив её отца. Сказал, что да, хотя после разговора с Майей не смог съесть ничего. Вивиан посмотрела на него внимательно, однако спорить не стала. Они проверили, что оба сохранили контакты. Теперь она прислала ему полное имя, Вивиан Чан, и открыла свой профиль с фотографией маленькой собаки сестры вместо портрета. Дэниел почему-то ожидал увидеть её лицо и почувствовал нежность к этому отказу соответствовать ожиданию.

— Я напишу, когда выплыву, — сказала она. — После возвращения у меня будут дела дома. Потом найдём день.

— Хорошо.

Слово далось не сразу. Он хотел уточнить, сколько дней, предложить ужин, машину, оплатить отдых где-нибудь у моря, пока не вспомнил, что из моря они только что выбирают. Вместо этого спросил имя собаки. Вивиан ответила, рассмеялась и вернулась к коллегам. Он смотрел, как она разговаривает с невысокой женщиной в такой же форме, как достаёт из сумки документы, как на секунду закрывает глаза, устало потирая переносицу. Их близость не исчезла, но больше не занимала всё пространство вокруг неё. Ему предстояло это выдержать.

В аэропорт он ехал один. По краям дороги лежали обрезанные ветви, вода оставалась в низинах, некоторые вывески не горели. Водитель слушал разговорную передачу и время от времени коротко отвечал голосу из телефона. Дэниел держал сумку на коленях, хотя мог положить рядом. Вспоминал вчерашнюю дорогу, собственную руку над пустым сиденьем, привычку удерживать того, кого там нет. Теперь рядом тоже никого не было, однако это отсутствие содержало возможность сообщения. Он не знал, облегчение это или новая форма зависимости.

В терминале снова пришлось ждать. Уже без той тяжёлой неопределённости, когда неизвестно даже, где проведёшь ночь, но с бесконечными уточнениями, переносами начала посадки, людьми, которые каждый раз вставляли раньше объявления. Дэниел нашёл свободное место у края ряда. Сумку поставил между ног, книгу положил на колени. После разговора с Майей хотелось спрятаться именно в чтение, однако слова расплывались в знакомые формы, не соединяясь в смысл. Он перелистнул страницу, понял, что не помнит предыдущую, и закрыл.

Рядом сел мужчина лет шестидесяти с маленьким чемоданом и мягкой дорожной шляпой. Долго укладывал её так, чтобы не помять, затем заметил, что задел локтем книгу, извинился. Дэниел ответил, что всё в порядке. Мужчина спросил, не из того ли они рейса, который

должен был сесть в Гонконге раньше. Выяснилось, что из того же. Назвался Саймоном, сказал, что уже почти убедил жену: это очень длинная экскурсия, за которую с них хотя бы не взяли отдельную плату.

Дэниел улыбнулся. Саймон говорил легко, без желания немедленно завладеть разговором. Рассказал, как до последнего надеялся не брать чемодан из аэропорта, потом два часа искал чистые носки в сумке, которую сам собрал. Дэниел вспомнил собственную неподготовленную поклажу, коротко рассказал о такси и мокрой дороге. Общая неприятность оказалась удобнее любого знакомства по имени. Через несколько минут они уже сравнивали гостиничные полотенца у дверей с инженерными сооружениями, надёжность которых слишком зависела от человеческой веры.

Саймон спросил, давно ли Дэниел живёт в Дубае. Тот ответил неопределённо, сказал, что последние события заставили уехать. Мужчина услышал интонацию, не стал уточнять. Заговорил о Гонконге, где собирался провести несколько месяцев с женой: она работала над своим проектом, он обещал не скучать и не путаться под ногами. Дэниел спросил, чем будет заниматься сам. Саймон перечислил чтение, прогулки, встречи с несколькими знакомыми и попытку наконец перестать покупать книги быстрее, чем успевает читать.

— У вас получается? — спросил Дэниел.

— У меня прекрасно получается пытаться.

Он рассмеялся. В этой реплике не было ни превосходства, ни грусти, которой нужно сочувствовать. Человек просто жил рядом с собственными несовершенствами и не требовал, чтобы весь мир учитывал их в расписании. Дэниелу стало любопытно, всегда ли так было. Хотел спросить, но понял, насколько личный вопрос приготовил человеку, знакомому меньше четверти часа. Вместо этого поинтересовался, какие книги тот берёт в дорогу. Саймон посмотрел на том у него на коленях и ответил, что обычно слишком тяжёлые.

Название оказалось знакомым. Он прищурился, попросил посмотреть обложку, затем поднял глаза на Дэниела. Узнал не сразу, и от этого узнавание вышло почти смущённым. Сказал, что жена читала один из его романов, сам начал, но отвлёкся и пока не закончил. Дэниел почувствовал готовую авторскую улыбку, уже собирался заверить, что не обиделся, однако Саймон не приносил извинения. Говорил о незаконченной книге так же спокойно, как о собственных носках: факт, не требующий церемонии.

— Значит, у меня ещё есть шанс вас разочаровать, — сказал Дэниел.

— Разумеется. Было бы несправедливо лишать автора такого права.

Рядом с ними кто-то громко спорил по телефону. Женщина с двумя детьми пыталась понять новое объявление, смотрела на экран, потом на бумажный посадочный талон. Саймон повернулся, спросил по-английски, нужна ли помощь. Выяснили выход, сверили направление. Дэниел поднялся, показал, где указатель, помог переставить маленький чемодан через вытянутые ноги сидящих. Женщина поблагодарила. Всё заняло минуту, после которой они вернулись к разговору, не делая из помощи отдельной истории.

Дэниел заметил, что Саймон не предлагает женщине решить за неё всё. Спросил, в чём затруднение, ответил, отступил. Сам Дэниел обычно начинал с готового решения, иногда даже прежде вопроса. Это позволяло выглядеть уверенным и незаметно делало другого человека обязанным следовать. В аэропорту приём работал не всегда: людям требовалось знать номер выхода, а не признать чьё-то превосходство над хаосом. Он сел, почувствовал, как неприятная мысль о себе снова появилась в минуту, когда никто его не обвинял.

Саймону позвонила жена. Он поднялся, отошёл к стеклу, разговаривал тихо, иногда улыбался. Дэниел смотрел на его спину и думал, что жена находится в другом городе, занимается собственным делом, а он приезжает, не объявляя поездку доказательством любви. Между ними, вероятно, тоже бывали обиды, раздражение, дни без ответа. Ни одна пара не живёт

внутри того спокойствия, которое видит случайный сосед. И всё же в коротком разговоре было что-то, чего Дэниелу очень хотелось и что он почти всегда пытался получить силой ожидания.

Вернувшись, Саймон достал из сумки печенье, предложил. Дэниел взял, хотя не хотел есть. Потом признался, что в последнее время всё время забывает о еде, а когда напоминают, раздражается. Саймон сказал, что жена называет это сочетанием детства и служебной занятости. Он сам когда-то был уверен, что слишком важен для обеда, пока однажды не обнаружил: от голода все дела просто кажутся страшнее. Никакой универсальной мудрости в этом не было, и потому Дэниел сумел принять печенье, не чувствуя, что его лечат.

Объявление прозвучало, когда они допивали воду. Люди поднялись сразу, хотя ещё требовалось подождать несколько минут. Дэниел тоже встал, потом сел обратно. Саймон заметил движение и улыбнулся, не комментируя. Они посмотрели на медленно образующуюся очередь, на человека, который пытался пройти мимо, уверяя, что у него особая категория. Дэниел узнал в интонации собственный голос у гостиничного трансфера. Усмехнулся, покачал головой. Саймон спросил, что смешного. Он ответил: кажется, увидел коллегу по некоторым дурным привычкам.

Перед посадкой обменялись контактами. Саймон написал своё имя, прислал маленькую фотографию, чтобы Дэниел не перепутал с десятком других Саймонов, если такие есть. Тот ответил, что очередь пока небольшая. Договорились как-нибудь выпить кофе, без точной даты и обещания непременно поддерживать новую дружбу. Дэниел почувствовал неожиданное облегчение. В Гонконге появился человек, который не был ни женщиной, способной избавить его от одиночества, ни специалистом, обязанным разбираться в его беде. Просто знакомый из долгого ожидания.

У выхода Саймон убрал телефон, поднял чемодан, взял шляпу в руку. Дэниел увидел, как внимательно он проверил место, не оставил ли чего-нибудь, и сам оглянулся на кресло. Там лежала пустая упаковка печенья. Поднял, выбросил, вернулся в очередь. Почти смешно было чувствовать удовлетворение от такой малости после разговора, в котором признался в убийстве. Но признание не освобождало от обычных движений. Мир не делал его настолько исключительным, чтобы остальные люди должны были подбирать за ним всё оставленное.

Когда они подошли к телетрапу, Саймон спросил, есть ли у Дэниела кто-нибудь в городе. Тот подумал о Вивиан, которая сейчас уже работала, о её сообщении, о прогулке, ещё не назначенной точно. Ответил, что, кажется, есть знакомая. Саймон кивнул, не вкладывая в слово особого смысла, и сказал, что город обычно становится понятнее хотя бы с одним человеком. Дэниел посмотрел вперёд, где за поворотом начинался салон. Ему хотелось, чтобы этого было достаточно. Хотелось научиться не требовать от одного человека стать всем городом сразу.

На посадке Вивиан встретила его обычным приветствием. Никакого особого внимания, никакой попытки сообщить коллегам, что они знакомы. Дэниел кивнул, прошёл к креслу и вдруг почувствовал себя спокойнее. Она не разыгрывала историю для публики. Через некоторое время принесла воду, спросила, не нужно ли ещё что-нибудь. Он попросил только кофе позже, если будет возможность. Она посмотрела на него чуть дольше, чем требовалось, и ответила, что постарается. На её шее татуировки не было видно, и впервые это не показалось утратой.

Полетели они уже под вечер. Облака расходились медленно, местами открывая тёмную воду, редкие суда, нитки огней у берега. Дэниел смотрел в иллюминатор и думал о том, что несколько дней назад ожидал от Гонконга забвения. Теперь в город, где его ещё никто не ждал, он вёз признание, произнесённое адвокату, обещанную прогулку и имя женщины, которую продолжал любить после смерти. Всё поместилось в том же теле, на том же кресле. Никакая граница не требовала оставить хотя бы часть этого перед входом.

Когда самолёт коснулся полосы в Гонконге, он не стал первым снимать ремень. Дождался полной остановки, поднялся вместе с остальными, проверил карман кресла. Вивиан стояла у

выхода. На этот раз он поблагодарил её по имени, очень тихо. Она улыбнулась, ответила, что увидятся в городе, и пропустила следующего пассажира. Дэниел прошёл по телетрапу, не оглядываясь. Телефон поймал сеть, пришли уведомления. Среди них было короткое сообщение Майи: она ждёт ещё один документ и вернётся к нему завтра. Он прочитал его, убрал телефон и пошёл туда, где за стеклянными дверями начинался Гонконг.

В зале прибытия пахло тёплым пластиком и влажной одеждой. После долгих часов в самолёте пространство казалось слишком широким, хотя людей было много. Дэниел остановился, пропуская поток, посмотрел на указатели. Новое место снова требовало простых решений: куда идти, где взять машину, какой адрес показать. Он устал так, будто сам управлял всем перелётом. На деле от него почти ничего не зависело, и именно это истощало сильнее понятной работы.

Документы проверили спокойно. Сотрудник поднял глаза, посмотрел на лицо, вернулся к экрану, задал обычный вопрос. Дэниел ответил, чувствуя, как слишком внимательно контролирует голос. Несколько секунд ожидания показались длиннее полёта. Хотелось узнать, что именно видно на экране, не появилось ли уже что-нибудь из другой страны. Никакого особого события не произошло. Документ вернули, он поблагодарил, пошёл дальше, не придавая этому ни значения оправдания, ни обещания безопасности, хотя тело отчаянно хотело и того и другого.

У ленты с багажом люди смотрели на одинаковое движение, время от времени узнавая своё. Дэниелу не нужно было ждать большой чемодан. Маленькая сумка оставалась при нём, книга лежала внутри, всё необходимое помещалось в несколько предметов. Он увидел мужчину, поднявшего с ленты детскую коляску, женщину с огромным ярким чемоданом, пожилую пару, которая проверяла бирку, хотя вещь явно принадлежала им. У каждого было что-то, что приехало из прежнего места. Его собственный багаж выглядел слишком лёгким только снаружи.

Саймона заметил уже возле выхода. Тот стоял рядом с женщиной, показывал что-то на телефоне и смеялся. Она слушала, потом взяла у него шляпу, поправила помятый край, покачала головой. Никаких объятий, рассчитанных на наблюдателя, ничего, что можно было бы назвать большой сценой встречи. Просто два человека снова оказались рядом и немедленно занялись маленьким повреждением дороги. Дэниел не подошёл, не захотел превращать их возвращение в продолжение собственного знакомства. Пошёл к выходу, чувствуя неожиданную нежность к жесту, который видел несколько секунд.

Указатели привели к машине быстрее, чем ожидал. После Хайкоу отсутствие долгой очереди казалось почти привилегией. Дэниел показал адрес W, водитель кивнул, помог убрать сумку, спросил, первый ли раз в городе. Он ответил, что да. Хотел добавить что-нибудь о погоде, о вынужденной остановке, но не нашёл сил на ещё один пересказ. Водитель понял молчание по-своему, включил радио тише. Эта маленькая уступка принесла облегчение, которого Дэниел не стал оформлять словами.

Город приближался постепенно. Огни, широкие дороги, вода в просветах, здания, появлявшиеся сразу несколькими слоями. Он смотрел, пытаясь запомнить первое впечатление, и почти сразу понял, что не получается. Усталость соединяла всё в одну движущуюся поверхность. Раньше расстроился бы: новый город, нужно почувствовать, увидеть, иметь потом собственный рассказ. Сейчас позволил смотреть без результата. Можно приехать и не понять в первый час, куда попал. Можно дать месту существовать до того, как найдётся подходящая фраза.

Вивиан написала коротко: надеется, что добрался без приключений, сама ещё занята, позже окажется дома. Дэниел ответил, что в машине. Прислал размытый снимок огней за стеклом. Она поставила улыбку, и разговор закончился. Ему хотелось спросить, не увидятся ли сегодня, хотя ещё в холле Sheraton ясно сказала, что после возвращения будут дела и сон.

Желание было простым, почти детским: если сегодня снова рядом, значит, всё действительно продолжается. Он не отправил вопрос, оставил несколько часов без подтверждения.

На светофоре машина остановилась рядом с автобусом. В окнах виднелись усталые лица, человек прижал голову к стеклу, женщина поправляла ремень сумки. Дэниел на секунду искал знакомое лицо, хотя не знал, могла ли Вивиан вообще ехать здесь. Поймал себя и отвернулся. Она не обязана была находиться в каждом следующем окне только потому, что ему трудно переносить отсутствие. Могла идти домой, разговаривать с коллегами, искать ключи, забыть на несколько минут о пассажире, с которым провела странные дни. От этой возможности любовь ещё не становилась ложью.

Водитель спросил, надолго ли приехал. Дэниел ответил, что пока не знает, потом добавил, что собирается работать. Слова прозвучали неожиданно уверенно. Не отдыхать от тяжёлого, не исчезать, не искать новую женщину как средство перестать думать. Хотя всё перечисленное тоже присутствовало, нельзя было честно вычеркнуть. Но работа оставалась вещью, которую действительно умел и хотел делать. У него были книги, читатели, файл, который можно открыть. Ничто из этого не отменяло Лейлу, однако и Лейла не становилась меньше от отказа написать следующую строку.

Он вынул книгу из сумки, положил на колени. Посвящение Марко открывать не стал, просто почувствовал вес. В рукописи поклонника когда-то нашлись слова, позволившие выйти из комнаты, где удерживал Локвуд. Теперь книга не открывала ни одного внешнего замка. Оставалась предметом, с которым предстояло жить, пока вокруг постепенно появляются новые вещи. Дэниел провёл пальцем по краю обложки, убрал обратно и посмотрел на руки водителя. Тот спокойно поворачивал руль, знал направление, не требовал от дороги личного смысла.

Чем ближе становилась гостиница, тем сильнее чувствовал усталость. Хотел душ, тишину, чистое бельё, чтобы хотя бы несколько минут никто не задавал вопросов. Потом понял, что именно вопросы нужны, только не все. От Вивиан хотел услышать, доехал ли, от Майи — что выяснила, от мира — можно ли ещё жить. На первые два существовали люди. Третий невозможно было передать сотруднику у стойки или женщине, которая сейчас снимала форму в другой части города. С этим придётся оставаться самому, даже когда не один.

Машина остановилась у входа. Водитель назвал сумму, Дэниел расплатился, поблагодарил, проверил сиденье, не оставил ли телефон. Взял маленькую сумку, ощутил её привычную лёгкость, вышел. Дверь придержали, кто-то спросил, нужна ли помощь. Он ответил, что справится, затем позволил взять багаж, потому что отказ тоже не обязан становиться доказательством самостоятельности. Поднял глаза к освещённому пространству, шагнул внутрь и впервые за дорогу перестал смотреть, не придёт ли новое сообщение.

Глава 6

В W пахло сухим деревом, прохладным воздухом и чем-то цветочным, едва заметным после влажной улицы. Дэниел назвал фамилию, протянул паспорт, выслушал объяснения о завтраке и лифтах. Всё было устроено с той ненавязчивой уверенностью, за которую он привык платить: нужные слова произносились прежде, чем возникал вопрос, сумка исчезла из руки и появилась у двери номера, вода уже стояла на столе. От этой безупречности он ощутил усталость сильнее, чем в переполненном Sheraton. Здесь нельзя было сослаться на тайфун, задержку, общий беспорядок. Номер был готов, и дальше ему предстояло жить самостоятельно.

Окно занимало почти всю стену. За ним темнела гавань, в воздухе висели огни, высокие здания терялись в остатках облачности. Город не лежал перед ним, как Дубай из окна на JBR; поднимался со всех сторон, дробился на отражения, продолжался там, где глаз уже не различал улиц. Дэниел подошёл близко к стеклу и увидел в нём себя: человек с небольшой сумкой, с рубашкой, которую стоило переодеть, с лицом, не подходящим этому виду. Отступил на шаг, чтобы отражение исчезло, и несколько минут смотрел только на воду.

Распаковка заняла слишком мало времени. Он разложил одежду на полке, поставил зарядное устройство возле кровати, вынул книгу. Посвящение Марко открывалось само, будто корешок привык останавливаться именно там. Дэниел провёл ладонью по бумаге, закрыл том и поставил на стол. В Дубае остался листок с двенадцатью словами, который больше ничего не открывал. Он помнил точное место: на столе, там, где его увидят. Впервые отсутствие записи показалось ему материальной вещью, как вынутая из кармана тяжесть, которую рука всё ещё продолжает искать.

Он заказал еду в номер, открыл компьютер и создал новый файл. Назвал его просто «Гонконг», затем долго смотрел на пустую страницу. Обычно название помогало: делало случайные наблюдения частью замысла, давало право откладывать написание, оставаясь писателем. Сейчас даже этот обман не работал. Он набрал фразу о тайфуне, стёр, начал с женщины, увиденной со спины, и тут же закрыл документ. Слишком легко было превратить Вивиан в событие, случившееся ради его текста. Вчера он ещё не знал, как она пьёт чай, а уже мог придумать, зачем она появилась.

Ужин принесли на большом подносе. Дэниел ел у окна, слушая негромкое бормотание телевизора. На экране показывали восстановление города после непогоды: люди убирали ветки, открывали магазины, проверяли вывески. Он смотрел на движение рук, на деловую сосредоточенность человека с лопатой, и вспоминал сотрудницу Sheraton, отжимавшую тряпку у двери. Мир всё время предлагал ему работу, которую можно закончить: вытереть пол, починить замок, собрать обломки. Он же умел главным образом давать происходящему форму, после которой оно выглядело необходимым.

Вивиан написала поздно. Добралась домой, нашла в холодильнике забытый контейнер, который теперь придётся выбросить, собирается спать. Прислала фотографию племянника в слишком большой кепке, объяснив, что сестра встречает её именно такими новостями. Дэниел увеличил снимок и разглядывал край её руки у детского плеча, хотя понимал, что фотография сделана раньше. Хотел ответить, что скучает, но слово показалось требованием, которого нельзя предъявлять человеку между душем и сном. Написал, что вид из окна впечатляет, и отправил фотографию гавани.

Она ответила: «Завтра посмотри вниз. Там начинается город». Потом пожелала спокойной ночи. Дэниел улыбнулся, поставил телефон рядом с тарелкой и через минуту снова взял его, будто за это время могла возникнуть ещё одна причина не оставаться одному. В её чате появилось «не в сети». Он закрыл приложение, открыл почту, снова вернулся к нему. Лишь

после третьего раза заметил, что не помнит ни одного изображения, мелькавшего на телевизоре.

Ночью приснился Лондон. Без погони, без кольца, без тёмных помещений, в которых обычно действовали его герои. Эвелин сидела на краю стола и ела грушу, держа салфетку под подбородком. Он говорил, что на стол нельзя садиться, она спрашивала, где написано это правило, и тянулась за его чашкой. Всё происходило на расстоянии вытянутой руки. Дэниел проснулся уже с готовым движением к ней; ладонь упала на холодное бельё, и номер постепенно собрался вокруг: окно, вода в бутылке, зелёная точка у выключателя. Ему захотелось запомнить сон, пока он не превратился в пересказ. Он открыл заметки и написал: «Груша. Салфетка. Её пятка касается ножки стола». Имени не потребовалось.

Снова заснуть не удалось. Дэниел включил маленькую лампу, посмотрел на записанные слова о груше и почувствовал почти детское желание позвонить человеку из сна. Не найти старую переписку, не увидеть фотографию, а именно услышать сонное недовольство тем, что разбудил. Рука уже лежала на телефоне. Он убрал её, сел, долго смотрел на собственные колени. Потом встал, оделся и спустился завтракать раньше, чем собирался. Иногда единственным доступным движением было физически выйти из комнаты, в которой память стала слишком убедительной.

В ресторане ещё было мало людей. Сотрудники переставляли приборы, проверяли чашки, тихо переговаривались. У окна сидел мужчина с газетой, рядом женщина печатала на компьютере, почти не глядя на тарелку. Дэниел выбрал стол в стороне, заказал кофе и открыл меню, хотя знал, что возьмёт. Официант спросил, один ли он. Вопрос был обычным, нужен был для сервировки, но Дэниел на секунду замолчал. Потом ответил, что один. Человек убрал лишний прибор, и это простое действие отчего-то показалось окончательным.

Он взял телефон, открыл сообщение Вивиан, последнее пожелание спокойной ночи. У неё сейчас было раннее утро, она могла ещё спать. Дэниел набрал «проснулся, вспомнил тебя», посмотрел на фразу и стёр. Ничего плохого в ней не было, кроме того, что написал не совсем о ней. Проснулся и вспомнил Эвелин, а живому человеку собирался сообщить другой смысл, чтобы получить ответ. Эта маленькая подмена выглядела слишком знакомой. Он положил аппарат и попросил принести ещё воды.

За соседним столом пожилая пара обсуждала планы. Женщина хотела куда-то поехать одна, мужчина уточнял время, спорил о маршруте, потом сказал, что подождёт в другом месте. В разговоре было раздражение, привычка, немного заботы, но никакой катастрофы. Дэниел слышал только отдельные слова и всё равно почувствовал зависть. Люди умели разойтись на несколько часов, оставаясь парой. Он тоже когда-то умел, наверное, или, по крайней мере, считал, что умеет, пока не появлялось желание проверить, почему несколько часов превратились в четыре.

Завтрак принесли быстро. Дэниел ел, смотрел на гавань, постепенно возвращая себе вкус. На воде двигалось судно, за стеклом белел влажный воздух, где-то в зале звякнула упавшая ложка. Он попробовал не думать о том, что делать со всей жизнью. Только закончить еду, выпить кофе, подняться, поговорить с Майей в назначенное время. Впервые заметил, насколько жесток бывает к себе в минутах, когда требует немедленного большого решения, а потом так же жестоко требует его от других.

Вернувшись в номер, обнаружил, что одна из штор не двигается. Дёрнул за край, остановился, позвонил на стойку. Через некоторое время пришёл сотрудник с небольшим чемоданчиком инструментов. Назвался Джеффри, извинился, спросил, можно ли подойти к окну. Дэниел отступил. Человек работал спокойно, без желания поддерживать разговор, и это сначала показалось облегчением. Потом тишина снова стала слишком плотной, и Дэниел спросил, давно ли он здесь работает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.